

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2012

УДК 800
ISSN 1992-6375

1.2012

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgou.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Маслова С.А.*
Диалектика традиционного и новаторского в современной
детской литературной сказке (на материале сказки А. Усачева
«Малуся и Рогопед») 5

- Сарбаи Л.Н.*
Межкультурный диалог в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова 12

ЛИНГВИСТИКА

- Астахова Т.С.*
Языковые особенности донских фамилий в системе
русских антропонимов 21

- Васильев А.И.*
Фразеологическая тавтология в древнерусском языке 28

- Ковригина И.А.*
Американские реалии второй половины XIX века
в оригинале и переводе на русский язык
(на материале романа Теодора Драйзера «Финансист») 34

- Макарова Е.Н.*
Типология ошибок в локализации интонационного центра
высказывания в английской неродной речи 42

- Плахова О.А.*
Свойства лексем-номинантов концептов, составляющих
английскую мифологическую концептосферу
(на материале сказочного дискурса) 50

- Романова М.С.*
Трансформация диалога в компьютерно-опосредованной
коммуникационной среде 60

- Фунтова И.Л.*
Фразовое ударение в английском и русском языках 67

МЕТОДИКА

- Бухалов А.В.*
Устаревшая лексика как лингвистическая составляющая
этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку 74

- Воителева Т.М.*
Личностно ориентированное обучение как способ развития
творческих способностей учащихся средней школы 83

Жукова Н.Ю.

Принципы развития модального компонента речи младших школьников при изучении словообразования 87

Лазарева О.А.

Лексическое знание в процессе обучения иностранных студентов русской лексике: структура и форма репрезентации 94

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Международный форум «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира» 107

НАШИ АВТОРЫ 111

CONTENTS 113

ПАМЯТКА АВТОРУ 118

С.А. Маслова

Диалектика традиционного и новаторского в современной детской литературной сказке (на материале сказки А. Усачева «Малуся и Рогопед»)

В статье на примере анализа сказочной повести А. Усачева «Малуся и Рогопед» рассматриваются характерные особенности поэтики современной литературной сказки. Соединение в структуре сказки иронически переосмысленных традиционных фольклорных мотивов, реминисценций и аллюзий с новым принципом построения сказочной реальности, основанным на взаимодействии страшного и смешного, свидетельствует о контрастном построении художественного мира современной литературной сказки. Поднимаются вопросы специфики произведений, адресованных детям.

Ключевые слова: литературная сказка, пражанр, детская сказка, перевернутый мир, словесная игра, взаимодействие смешного и страшного, эстетическая реакция, комическое, карнавальное.

История литературной сказки насчитывает почти 200 лет, что не так много для жизни жанра. Пройдя путь от бытования народной сказки, ее записи и публикации к литературно обработанной и, наконец, собственно литературной, последняя не может не сохранять в своей структуре элементы, присущие фольклорной сказке, своему «пражанру». Как во всяком литературном жанре, в сказке «всегда сохраняются неумирающие элементы архаики» [1, с. 121], но в то же время она решительно отталкивается от своей первоосновы, «возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра» [Там же, с. 122]. Жанрообразующие признаки, наследуемые от фольклорной первоосновы, главным из которых является

наличие чудесного, фантастического, волшебного в структуре сказки, вследствие чего создается новая сказочная реальность, а также четкая фабула, драматизированное изображение событий, динамика повествования, отсутствие полутонов и четкое разделение добра и зла – свойства художественного произведения, органично воспринимаемые ребенком, что делает фольклорную и литературную сказку одним из основных жанров детской литературы. Народные и лучшие образцы литературных сказок отвечают потребностям и вкусу ребенка, эту особенность отмечали выдающиеся критики, писатели, психологи, педагоги В.Г. Белинский, М. Горький, К.И. Чуковский, С.Я. Маршак, А.В. Запорожец и др. Немецкий ученый К. Бюлер обратил внимание на тесную связь возраста ребенка и предпочитаемого им жанрового репертуара художественной литературы. Он определил возраст предпочтения сказок у детей с трех до восьми-тринадцати лет, отметив, что дети этого возраста получают наслаждение от сказки: «Для истинного наслаждения сказкой необходима особая установка, которую ребенок позже, когда он потеряет наивность мысли, уже не может больше осуществить» [3, с. 145].

Но было бы опрометчиво относить все разнообразие литературных сказок к детской литературе. Вспомним, что лучшие образцы литературных сказок XIX в. – «Конек-Горбунок» П. Ершова, сказки А. Пушкина, – не предназначались изначально для детской аудитории. В XX в. также было немало писателей-сказочников, чьи произведения рассчитаны, прежде всего, на взрослого читателя (например, сказки Е. Шварца, Г. Горина, Ф. Искандера, Л. Петрушевской).

И все же, если провести анализ издаваемых сегодня сказок, окажется, что абсолютное их большинство предназначено для ребенка – читателя или слушателя, поэтому, рассматривая их художественные особенности, следует учитывать эту черту. Отношение к литературной сказке, как и к другим жанрам детской литературы, никогда не было однозначным. Педагоги и литературоведы спорят о преобладающем качестве этой литературы – служить дидактическим целям или быть произведением искусства. Педагогическое и эстетическое направления критики до сих пор находятся в противоборстве. Наиболее оптимальной, уравнивающей оба направления становится мысль о «единстве и неделимости эстетических и педагогических критериев произведений, адресованных детям» [6, с. 140]. Эта позиция при учете психических и возрастных особенностей маленького читателя, тем не менее, «обуславливает включение литературы для детей в единый художественный процесс развития отечественной и мировой литературы, и шире – художественной культуры» [Там же].

Современная литературная сказка, включенная в общелитературный процесс, стремится к обновлению за счет соединения с другими жанрами, появлению на сказочной основе авторских жанров. Этот процесс интенсивно протекал уже в прошлом веке, сегодня данная тенденция еще более усиливается: сказка-поэма, сказка-баллада, сказка-пьеса, сказочная повесть, сказка-роман, сказка-притча, сказка «живой жизни», сказка детства, сказка странствий... Сказка становится «многожанровым явлением» [5, с. 128].

Чрезвычайно популярной стала сказочная повесть или повесть-сказка. При сохранении специфики чудесного и единства действия такая сказка вырастает в объеме, шире изображает сказочную действительность, охватывает больше событий и включает больше действующих лиц. Эти черты в полной мере свойственны сказочной повести А. Усачева «Малуся и Рогопед», в которой, тем не менее, сохранены многие композиционные элементы, присущие народной волшебной сказке, выявленные и обоснованные В.Я. Проппом: «Морфологически волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства или недостачи через промежуточные функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки» [7, с. 78].

Девочка Маруся из сказочной повести А. Усачева «Малуся и Рогопед» не выговаривает звук «р», что расценивается как начальная ситуация «недостачи». Поэтому, как и герой фольклорной сказки, она попадает из своего мира в волшебный, путь куда ей указывает старушка – осовремененная Баба-Яга. Во сне героиня повести встречается с феей-дарителем, которая рассказывает, как избавиться от речевого недостатка с помощью волшебного средства. Композиционным стержнем развития действия и движения к развязке является в сказке мотив Пути. Маруся со своими помощниками путешествует по сказочной стране. В дороге они встречают других дарителей и помощников, которые выспрашивают, испытывают, помогают героям достичь цели путешествия, и вредителей, подвергающих преследованию и нападению. «Недостача» ликвидируется, герои встречаются с «антагонистом», создателем волшебной гибельной страны, который загадывает 3 традиционные загадки, после чего героиня со своими друзьями освобождается и попадает домой.

Несмотря на верность ключевым структурным элементам волшебной сказки, литературная сказка нового времени существенно изменяется и в их интерпретации, и во введении новых реалий. Так, сохраняется сказочное двоемирие: один мир, как и в фольклорной сказке, приближен к реальному миру людей – в нем живет Маруся, а сущность второго, чудесного мира принципиально иная. В волшебной фольклорной сказке

это «иное», «тридесатое» царство, история создания и существования которого неизвестна, а в литературной сказочной повести характерным образом структурированное «инобытие» имеет своего создателя и функционирует по определенным законам.

Принцип построения чудесного мира сказки близок и понятен маленькому читателю: это деформированная речь, свойственная всем детям из-за несовершенства речевого аппарата. Замена одного звука на другой в слове может изменить его семантику, в результате чего у слова появляется новый образ. В условно-сказочной стране, в которую попадает Маруся по причине дефекта речи, неологизмы, образованные из искаженных слов, являются строительным материалом для перевернутого, «изнаночного» мира, полного опасностей и тревог.

Желая попасть на Ромашковую улицу, но не сумев правильно ее назвать, Маруся попадает на «Ломашковую» улицу, где едва уносит ноги от хулиганов-«ломашек». Несчастный царь носит на голове вместо золотой короны огромную «колонну», вместо пруда герои встречают «плута», съев «глуши» вместо груш, можно оглохнуть. Малютка-крошка превращена в «милую кошку», «Вовки» – это волки, а лучший ученик в классе раздвоился, и получились сямские близнецы Сим и Шим, один из которых вместо всех шипящих произносит «с», а другой вместо свистящих – «ш».

На игре с семантикой слова строится весь сказочный мир, и этот же прием помогает создать оригинальные образы «помощников» героини, сопровождающих ее в путешествии по этой стране. Фонетическое изменение слова диктует и комическую трансформацию самой структуры образа помощника. Корова – традиционный фольклорный «помощник» – из-за неправильно произнесенного слова оказалась в сказке «коловой», странным существом, голова которого «крепилась на колу, а ноги заменяли четыре колышка поменьше» [8, с. 11]. Корова Розалия – мечтательная, ранимая особа, сочиняющая стихи. В русле иронического переосмысления фольклорного образа строятся ее высказывания, призванные объяснить Марусе непонятные явления, которые на деле только вводят в заблуждение: вещий сон – *это значит, что ВЕЩИ, которые снятся, появляются наяву* [Там же, с. 15]; *ранние стихи – это стихи, которые сочиняешь рано утром, а поздние – поздно вечером...* [Там же, с. 12].

Еще один «помощник» – моряк Рюрик, из-за дефекта речи называющий себя «моляком». Этот неологизм, как и «Малуся», приобретает дополнительный смысловой оттенок, связанный со значением «маленький». Для Маруси это определение естественно – ей всего лет шесть, а для моряка – напротив, ведь он «здоровенный рыжий детина», и это

противопоставление названия и внешнего вида делает его образ комичным. Искаженное произношение рождает неправильное толкование слов окружающими, что вызывает смех у читателя.

– *Добрый день, вы кто?* – *спросила Маруся.*

– *Я – моляк!* – *сказал детина.*

– *Вы – маляк?* – *удивилась Маруся.* – *Такой большой?*

– *Да не маляк, а моляк, понимаешь, матлос. А матлосы – это те, кто плавают в моле...*

– *ПЛАВАЮТ В МОЛИ?* – *Розалия покачала головой.* – *А вы не могли бы говорить чуть-чуть понятней?* [8, с. 30].

Но каламбуры не всегда служат для юмористического оформления той или иной ситуации. Замена одного звука другим становится для моряка причиной многих неприятностей. Став боцманом, он обязан отдавать команды. Матросы выполняли приказания боцмана в точности: вместо катерка подавали котелок, вместо рома – лом. Высадили несчастного Рюрика (ему и имя-то свое было стыдно произносить) на берег, нахлобучив на голову «дурацкий котелок». Маруся приглашает бедолагу вместе искать логопеда, и дефект речи моряка грозит новой бедой путешественникам. Плот уносит в открытое море, и друзья из-за «були» чуть не пошли ко дну. Так неправильно произнесенные слова становятся причиной многих бед. В финале этой части повести герои оказываются на страшном острове. Мрачное название Глот вызывает ассоциации с физиологическим процессом глотания. Остров глотает путников. Победить «коварного глота» может лишь тот, кто знает его настоящее имя, и этим победителем оказывается Рюрик, с помощью упражнений исправивший свой речевой недостаток. Стоило ему только изменить в слове один звук и исправить «глот» на «грот» – и друзья на свободе. С помощью верно произнесенного слова разрешается опасное положение героев.

На примере истории с моряком несложно заметить прием, которым неоднократно пользуется автор для выражения художественной идеи сказки. Образы, возникающие из искаженных слов, смешны и забавны вначале, кумуляция этих образов вызывает переход от шутки к гротеску, смешное порождает страшное, смешивается с ним. По этой же схеме – от смешного, забавного, юмористического к страшному, ужасному, обличительно-сатирическому – строятся и другие части сказочной повести, а разрешение ситуации и спасение от всех бед приносят лишь правильно произнесенные нужные слова.

В волшебной стране главным становится умение видеть истинную суть вещей и называть их своими именами, ведь весь этот перевернутый мир построен на лжи, на искажении истины. Правда, какой бы пугающей

она ни была, лучше красивой лжи. Розы в оранжереях у волшебника Заба прекрасны, и так же хороши его обещания помочь путешественникам «вернуться в нормальную жизнь». Но обратная сторона красивой жизни среди цветов и успокаивающих заверений волшебника ужасна: все розы – это околдованные люди, заглянувшие в волшебное зеркало, лугопед Заб – жаба, а «нормальная жизнь» – это растительное существование в обличье цветка. Познание правды дает возможность сражаться со злом и победить его. Угадав в подростках Вовках с недобрым блеском в глазах стаю волков, герои находят и средство борьбы с ними.

Путешествуя по волшебной стране в поисках Логопеда, Маруся и ее друзья уверены, что он поможет им вернуться домой. Появившись на страницах книги только дважды – первый раз в образе приснившейся Марусе феи, а второй наяву уже после окончания путешествия, – эта добрая волшебница помогает героям: способствуя исправлению речевых недостатков у Маруси и Рюрика, она незримо присутствует при каждой победе героев в восстановлении истинного смысла исковерканных слов. Но не Логопед оказывается творцом этой перевернутой страны, а его демонический двойник-трикстер Рогопед. И снова прием замены одного звука и буквы в слове меняет полярность его значения с «несущего правду и добро» на «несущего ложь и зло». В споре с Рогопедом окончательно проясняется идея повести о сакральном назначении Слова, о бережном отношении к речи, ведь «Слово – это Божий храм» [8, с. 112].

В атмосферу карнавала попадают герои в городе с измененным названием Старые Басни. Облик средневекового города, окруженного высокой крепостной стеной с гербом на воротах, празднично одетая танцующая толпа с идущим на руках размалеванным клоуном, горожане, носящие на головах «шапоги», а на ногах шитую «сляпником» обувь, абсурдный и смешной судебный процесс с верховным «Шутом» во главе, судьи, оказавшиеся ослиами, – все эти переодевания, вставания на руки, перевертывание норм и правил поведения восходят к образам средневековой смеховой культуры, конкретнее – к праздникам осла и дураков. Существенными чертами этих праздников, по М.М. Бахтину, являются переодевание и провозглашение шута королем («перемещение иерархического верха в низ» [2, с. 16]). «Праздник осла и праздник дураков – специфические праздники, где смех играет ведущую роль» [Там же]. В средневековой культуре смех становится средством спасения от страха.

Такое естественное для средневекового сознания понимание смеха как несущего радость, оживление, обновление, освобождение переосмыслено в центральных эпизодах сказки в противоположном значении, связанном

с умерщвлением, страхом. Из-за «нарушения общественного порядка» Рюрик задержан на «трое шуток» и ему угрожает «смешная казнь», причем ужасает ее способ: *У нас преступнику не отрубают голову, не вешают его на виселице, – пояснил шут. – Его щекочут до тех пор, пока он не умрет от смеха. Это очень смешно* [8, с. 69]. Страшное в искаженном мире Забавья временно берет вверх, уничтожая позитивное начало радостного смеха. До устранения хаотической спутанности подлинных смыслов смешное оборачивается своей жуткой, угрожающей стороной. Речевая организация вновь являет свою мироустроительную функцию. При этом обнаруживается связь детской литературы с традицией архаики – магическим отношением к слову. Назвать – значит осуществить. Правильно произнесенное слово упорядочивает мир, искаженное – выворачивает его наизнанку, обращает в свою противоположность, делая безобидное злое, смешное страшным. В то же время смех может играть и противоположную роль: смешное, как в средневековой культуре, умаляет, нейтрализует страшное, например, в эпизоде со страшным разбойником Кысом Кашманном, который со своей шайкой уничтожает в городе Градове все предметы, в названии которых присутствует этот звук. Но и имя, и прозвище Кыса без звука «р» смягчают его кошмарный образ.

Анализ структуры сказочного мира показывает, что в современной литературной сказке страшное и смешное вступают во взаимодействие, становятся взаимообратимыми, усиление одного начала ведет к актуализации другого. Эта противоречивость – основа восприятия и эстетической реакции на художественное произведение.

При всем понимании ребенком условности сказки и вере в счастливый конец не устраняется эмоциональное напряжение, испытываемое при восприятии каждой угрожающей благополучию героя ситуации. Ребенка вообще привлекает в сказках (и не только в них) угроза герою, опасность, которой он подвергается, и, соответственно, эмоция, которая лежит в основе этой ситуации, – страх: «То мучительное чувство, которое нуждается в разрешении, теперь начинает возбуждаться самим искусством» [4, с. 393]. А победа героя в финале сказки, т.е. преодоление страха, и есть благополучное разрешение, катарсис.

Эмоции, вызванные предметом изображения, и эмоции, рожденные эстетическим оформлением, разнонаправлены, противоположны. Их столкновение ведет к «самосгоранию», к «взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны», и в этом заключается «катарсис эстетической реакции» [Там же, с. 364]. Такое контрастное построение повести обусловлено конструктивным принципом организации сказочного мира.

Реминисценции и аллюзии, включенные в структуру сказки, рассчитаны, прежде всего, на восприятие взрослого, который наравне с ребенком читает сказку, поэтому можно говорить о размывании границ между «детской» и «взрослой» литературой, о двуадресности лучших литературных сказок.

Переосмысление традиционных элементов народно-сказочной структуры, ироническая игра с фольклорными категориями, тесное переплетение страшного и смешного, веселого и серьезного свидетельствует о контрастном построении художественного мира современной литературной сказки, о «единстве и непрерывности развития» [1, с. 122] литературной сказки как жанра.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930.
4. Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. М., 2001.
5. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века: история, классификация, поэтика: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
6. Полозова Т.Д. О власти искусства слова и ценности чтения. М., 2010.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2007.
8. Усачев А. Малуса и Рогопед. М., 2003.

Л.Н. Сарбаш

Межкультурный диалог в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова

В статье анализируется межкультурный диалог в произведениях С.Т. Аксакова: полиэтническое Поволжье, различные национально-культурные миры и этнопсихологические типы. Межкультурный диалог в границах художественного текста предстает в различных аспектах проявления. Рассматриваются герои – представители этноконфессиональной среды, процесс межэтнического

взаимовлияния, архетипы сознания, национальный костюм (мордовский, чувашский, башкирский, татарский) как кодификатор этнической культуры, образ башкирского мира.

Ключевые слова: межкультурный диалог, С.Т. Аксаков, полиэтническое Поволжье, национальный мир.

Русские писатели XIX в. проявляли внимание к нерусским народам, культура и быт которых составляли духовное пространство России. Рецепция русской литературой XIX в. инациональных явлений, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-нравственной системы координат – русской культурно-художественной традиции – одна из актуальных и практически не изученных проблем современной литературоведческой науки. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества», касаясь вопроса диалога культур, справедливо писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается... диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [2, с. 354].

Семейные хроники С.Т. Аксакова основаны на действительном знании жизни: они созданы на материале семейных преданий, изустных рассказов отца и матери, а также детских впечатлений самого писателя. Поволжье представляет сопряжение многих национальных культур, и Аксаков не ограничивается изображением только русской моноэтнической среды: в произведениях русского писателя появляются инациональная реальность и этнопсихологические типы.

В «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука», изображающих русскую жизнь, возникает межкультурный диалог широкого плана: предстает полиэтническое полотно Поволжья, дается сосуществование различных национально-культурных миров. Картина русской жизни оказывается «вписанной» в полиэтноконфессиональную панораму поволжского мира. Межкультурный диалог в границах художественного текста предстает в различных аспектах этнического проявления. Рассматриваются герои как представители разных вер – православной, мусульманской, лютеранской; архетипы национального сознания; национальный костюм; процесс межэтнического взаимовлияния и аккультурации; образ башкирского мира в его национально-этнографическом выражении.

Мир русской жизни изображается во взаимодействии с иными национальными мирами. Степан Михайлович Багров и отец Сережи, Алексей Степанович, находятся в тесном общении с инородцами (следует

отметить, что слово «инородец», широкоупотребительное в русской литературе XIX в., не несет в себе оттенка отрицательной коннотации – это просто представитель иного народа, имеющий своеобычие). С.Т. Аксаков пишет, что «с легкой руки» С.М. Багрова переселение в Уфимский край начало умножаться с каждым годом: *Со всех сторон потянулись луговая мордва, черемисы, чувашаи, татары и мещеряки; русских переселенцев, казенных крестьян разных ведомств и разнокалиберных помещиков также было немало* [1, с. 88]. В соседстве со Степаном Михайловичем оказались владения русских помещиков и мордовская деревня Нойкино, а также мордовский поселок Кивацкий. Устанавливаются добрососедские отношения с мордвой, любовь и уважение которой снискал суровый, строгий, но и справедливый барин. Мордва почитает С.М. Багрова «отцом и благодетелем». Багров понимает трудности своих новых соседей, которым по недостатку средств не на что было купить хлебных запасов, и он щедро делится ими с переселенцами: *Полные амбары дедушки были открыты всем... «Сможешь – отдай при первом урожае; не сможешь – бог с тобой!»*. С такими словами раздавал дедушка щедрою рукою хлебные запасы на семена и емены. ...Мало того, что он помогал, он воспитывал нравственно своих соседей! Только правдою можно было получить от него все. Кто раз солгал, раз обманул, тот и не ходи к нему на господский двор... Со всех сторон ехали и шли к нему за советом, судом и приговором – и свято исполнялись они [Там же, с. 89].

В «Семейной хронике» возникают различные оценочно-повествовательные уровни восприятия инонационального. Со стороны Багровых, давно живущих рядом с мордвой, татарами, башкирами и чувашами, дается оценка свойств и качеств народа, изображение же этнографических реалий жизни возникает через восприятие Софьи Николаевны, мало знакомой с этническим бытом. Молодые, следуя в Багрово, останавливаются в деревне Нойкино, мордва радостно их приветствует. Если для Алексея Степановича встреча с мордвой была обыденным явлением, то для Софьи Николаевны это целое событие: она блистала в уфимском чиновничье-аристократическом обществе и была весьма далека от этого мира. Маркером этнической культуры является национальный костюм: *Софья Николаевна едва ли видала вблизи мордву, и потому одежда мордвов и необыкновенно рослых и здоровых девок, их вышитые красной шерстью белые рубахи, их черные шерстяные пояса, или хвосты, грудь и спина и головные уборы, обвешанные серебряными деньгами и колокольчиками, очень ее заняли* [Там же, с. 189]. В передаче самобытного национального наряда С. Аксаков этнографически точен: он описывает основную часть женского костюма – рубаху панар, которая шилась из

белого холста и в местах швов посередине груди, спины и боков украшалась вышивкой разноцветными нитками. Писатель отмечает поясное украшение – пулай (пулагай, пулакш), состоящее из разноцветных кистей, бисера, раковин, монет и бляшек с пышной черной бахромой, а также нагрудную застежку сюлгам. Г.В. Карпунов справедливо усматривает в литературе культурологическую функцию: «Являясь неотъемлемым элементом культуры, литература отражает процессы, протекающие в других ее сферах (обряды и обычаи, прикладное искусство, костюм и т.д.). Отражение реалий материальной и духовной культуры мордовского народа в русской литературе – один из аспектов сложного и многообразного по своим формам процесса диалогического взаимодействия культур» [3, с. 261].

Инонациональные пласты появляются в произведениях Аксакова как равноправные релевантные явления национально-культурной жизни, равноценные по своей значимости. Отмечаются самобытность бытия башкир, чувашей, мордвы; тесное общение, сосуществование русских с нерусскими в большом мире, взаимное влияние друг на друга. Родственник Илларион Николаевич Кальпинский, «вышедший из простолюдинов», сам происходил «из мордвы»; появляется в «Семейной хронике» и образ «обашкиревшегося» зятя Степана Михайловича Багрова – Каратаева. Упоминаются богатые татарские семейства – Алкины и Тевкелевы, отмечается влияние русских на татар: семья Алкиных, хотя и была мусульманской по вере, но хорошо говорила по-русски, а «одежда и образ жизни их представляли... пеструю смесь татарских и русских нравов» [1, с. 262]. Семейство Тевкелевых тоже приняло «некоторую внешнюю образованность в образе жизни», но при этом строго соблюдало «во всей чистоте» мусульманскую веру. С.Т. Аксаков неоднократно отмечает приверженность татар к своей «природной» вере. В «Семейной хронике» передается связанная с семейством Тевкелевых «романическая» история: богатый дворянин Тимашев влюбился в прелестную татарку Сальме, которая ответила взаимностью красивому русскому офицеру. Сальме бежала из дома, крестилась, став Серафимой Ивановной, и вступила в высший круг уфимского общества.

В автобиографической хронике С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» как русская, так и инонациональная жизнь дается через восприятие ребенка: чистое детское сознание, воспринимающее мир в его непосредственной первозданности. Автобиографический герой Аксакова не ограничен русской моноэтнической средой, он приходит в соприкосновение с разнообразными национальными мирами, реалии которых предстают в детском мировосприятии особенно ярко. В

«Детских годах Багрова-внука» упоминаются чувашские, мордовские, башкирские, татарские деревни, описываются избы, их убранство. Во время остановки в «Чуваших» мальчика особенно изумила огромная изба, закопченная, с лоснящейся сажей, пахнущая дымом, где была печь без трубы и лучина вместо привычной свечи. Ребенка удивили широкие лавки, называемые «нарами», на которых постояльцы удобно расположились. Завораживает впечатлительного мальчика непривычное причудливое горение лучины в чувашской избе; на детскую душу благодатное впечатление производят слова отца о том, что чувашаи «предобрые и пречестные люди». Живой любознательный ребенок отмечает новые «невиданные предметы», и прежде всего наряд чувашских женщин. Актуализатором «этнического» выступает у писателя национальный костюм. Аксаков упоминает чувашский женский головной убор хушпу, нагрудное шейное украшение из монет сюха и пояс, оканчивающийся черными шерстяными кистями. Необычны для русского мальчика чувашская речь, украшения женщин, звяканье подвесок, но «нерусское» вызывает живейший интерес и внимание. Через сознание ребенка дается колоритный образ кантонного старшины, башкира Мавлюта Исеича. Сережа Багров видит его в национальном одеянии – казакине, плисовых шароварах, вышитой золотом тубетейке; отмечается «войлочный вострый колпак», плетть, принимаемая за «огромную саблицу». Замечается почтительное отношение отца Алексея Степановича к башкиру-старшине. Вызывает смех у мальчика такая особенность русских в разговоре с башкирами, как коверканье слов: в беседе с Мавлютом Исеичем это делает мать Сережи; Евсеич, желая быть понятым башкирами, тоже подражает своим собеседникам.

Появляются на страницах произведений С.Т. Аксакова и представители «Волжской Сарепты» – немцы как часть поволжского полиэтнического мира: генерал Трейблут, который характеризуется как лютеранин и при этом как «строгий соблюдаватель» церковных русских обрядов; доктора Авенариус и Клоус. На нескольких страницах описывает С.Т. Аксаков немца, городского акушера, друга семьи Багровых, «преддобрейшего» Клоуса, который наблюдал здоровье Софьи Николаевны: это был умный, образованный и «по наружности пресмешной немец» [1, с. 272]. Клоус именуется по-русски Андреем Ивановичем, он по-немецки «расчетливый»; читает вечерами у Багровых немецкие книги, переводя их. С.Т. Аксаков и эпизодическим персонажам дает всестороннюю характеристику, они обретают значение художественных типов.

При изображении многонационального Поволжья особое место отводится Башкирии. Башкирский мир предстает широко и многоаспектно,

национальная картина жизни дается в ее разнообразном этническом проявлении – от бытового до бытийного. Для автора-рассказчика «Уфимское наместничество» – это «прекрасная родина», которая любима страстно, до самозабвения; это край «благословенный», «чудесный», «хранилище земных богатств». Лирическая эмоционально-экспрессивная тональность повествования сопровождает описание башкирских эпизодов. В «Семейной хронике» создается неповторимый поэтический образ природы как неотъемлемой органической части башкирского мира. Произведение начинается с воспевания красоты и величия природы, которая одушевляется и показывается в многообразных жизненных связях с человеком. Прозаическому описанию предшествует поэтическое – стихотворение самого писателя, повествующее о заселении этого края «чужими племенами», в разряд которых попадают и русские:

*И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!
Помнут луга, порубят лес,
Взмутят в водах лазурь небес!
И тук земли неистоенной
Всосет чужие семена,
Чужие снимут племена
Их плод, сторицей возвращенный!
И в глубь лесов и в даль степей
Разгонят дорогих зверей! [1, с. 83].*

Писатель создает неповторимый портрет одушевленной природы, которая становится доминантой «башкирского». Огромные озера Кондры и Каратабынь светлы и прозрачны; реки многоводны; в прозрачных родниковых ручьях живут все породы форелей; поля черноземные. Рассказчик отмечает приход хлебопашества в этот край, когда на плодородных землях «обильною жатвою» оборачивается «ленивый» труд, когда даже не пашут, а ковыряют «жалкою сохою» и «неуклюжим сабаном» плодоносную землю. Леса – разнородные и могучие, «более всех уважаемая» уфимская куница водится в верховьях рек Уфы и Белой. Описание башкирской природы дается в форме пространного лирического отступления, выделяющегося из повествования эмоционально-экспрессивной тональностью и ритмической организацией. Синтаксический параллелизм, инверсионный порядок слов, краткие прилагательные, чередующиеся с полными в начале фразы, художественная тавтология создают

неповторимое поэтическое звучание: *Светлы и прозрачны, как глубокие, огромные чаши, стоят озера твои... многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки... чудесной растительностью блистают твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля... Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря... Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные черные леса... Мирны и тихи патриархальные первобытные обитатели и хозяева твои...* [1, с. 84]. В поэтическом описании природы С.Т. Аксаков использует и прозаические предметы башкирской жизни – сабан, тузлук. Писатель дает пояснение этническим реалиям: тузлук – это мешок из сырой кожи, снятой с лошадиной ноги, в котором заквашивается кумыс. Предмет домашнего обихода появляется в возвышенно-поэтическом контексте, озера напоминают своими очертаниями этот мешок.

В согласии с первозданной природой находятся у Аксакова люди – «патриархальные», «первобытные» «кочевые башкирские племена». Табуны и стада весной выходят на привольные поля, на подножный корм; так и башкиры, отошавшие, исхудалые, «перетаскиваются» вслед за своими табунами, покидая свои селения. Возникает антиномия времен года: зима – жестокая, бурная, лето – проснувшаяся природа и оживающий в полноте своих сил человек: *И вы никого не узнаете через две или три недели! Из лошадиных остовов явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребец гордо и строго пасет косяк кобылиц своих, не подпуская к нему ни зверя, ни человека!.. Раздобрели толстые зимние стада коров, полны питательной влагой вымя и сосцы их. Но что башкирцу до ароматного коровьего молока! Уже поспел живительный кумыс, заки в кобыльях турсуках, и все, что может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьет допьяна целительный, богатырский напиток, и дивно исчезают все недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одеваются осунувшиеся лица, румянцем здоровья покрываются бледные, впалые щеки* [Там же, с. 85]. Прием художественного параллелизма устанавливается связь между природным и человеческим миром.

При изображении инонациональных явлений Аксаков не перегружает описание деталями этнографического характера, избегает экзотики и словесных орнаментов, проявляя сдержанное отношение к слову. Так, при описании поездки Софьи Николаевны на кумыс показывается деревня Узы-тамак, даются пояснения этнографического характера. В поэтическом описании деревни органично соединяется природная характеристика местности с константами башкирской этничности: *...в роскошной долине в живописном беспорядке теснилась эта деревушка на подошве горы Байрам-тау, защищавшей ее от севера; на запад возвышалась другая*

гора, Зеин-тау, а на юго-восток текла речка Уза, покрытая мелким лесом... [1, с. 261]. В повествование вводится тюркская лексика, которая выделяется курсивом и объясняется писателем: *Тау значит гора, Байрам – праздник. Это имя, как говорит предание, дано горе потому, что на ней будто бы башкирцы совершали торжественное молебствие после уразы, т.е. поста. Зеин-тау – значит гора собрания; зеином называется пир или собрание народа...* [Там же].

Этнический колорит создается за счет выделения характерологических реалий. При изображении башкирской жизни Аксаков не проходит мимо такого яркого маркера этничности, как кумыс: описывается его приготовление, даются необходимые пояснения тузлуку, в котором готовится целебный напиток. Кумыс представлял особый предмет этнографического изображения у В.И. Даля («О кумысе»), М.В. Авдеева («Поездка на кумыс»), Д.Н. Мамина-Сибирика («Юммя»), Ф.Д. Нефедова («На кумысе»). Характерные этнографические реалии способствуют созданию башкирского пласта бытия. Писатель обращает внимание на музыкальный инструмент – чебызгу, давая его описание: *Чебызга – дудка, которую башкирец берет в рот, как кларнет, и, перебирая пальцами, играет на ней* [Там же, с. 74]. В мире духовых инструментов чебызга, по определению автора, является «чудным явлением», т.к. издает «двойные тона». Поэтому создается впечатление, что в одно и то же время играют два разных инструмента.

Русский писатель отмечает в «Семейной хронике» межэтническое общение, при котором идет перенимание привычек, рода занятий, а порой и образа жизни. Показывается аккультурация: появляется образ «столбового русского дворянина», «обашкирившегося» зятя старика Багрова – Ивана Петровича Каратаева. Говоря об этом персонаже, автор постоянно подчеркивает его связь с «башкирским»: он называет его «любителем башкирцев и кочевой их жизни», «башкирцем душой и телом», подразумевая под этим простоту нравов, добродушие, отсутствие у него светских манер. Герой настолько принял «башкирское» и сроднился с ним, что иной ментальный образ жизни становится «своим».

С.Т. Аксаков поэтически описывает заселение башкирского края, привлекая исторические сведения и богатый этнографический материал. Покупка земель описывается в национально-исторической конкретике, когда в создании «башкирского» соединяется несколько этнических признаков, от конфессионального до пищевого: приглашалось десяток родичей – «отчинников Картобынской или Кармалинской тюбы»; ставилось ведро вина, несколько ведер крепкого «ставленого» башкирского меду, несколько лагун корчажного крестьянского пива; давалось два-три

барана. Угощение и веселье могло продолжаться несколько дней; писатель замечает, что башкиры не были очень ревностными магометанами. Аксаков выделяет конкретный культурно-этнографический пласт: башкирскую кухню – приготовление особым образом барана; пение песен, которые определяются как «монотонные»; игру на чебызгах. В небольшом эпизоде выделяется главное и характерное, создающее поэтический образ башкирского мира.

В произведениях С.Т. Аксакова возникает межкультурный диалог, дается изображение многонационального Поволжья. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» являют собой редкое и уникальное сочетание географического, исторического и этнографического документа и одновременно художественного шедевра.

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1955.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. Карпунов Г.В. Культура мордвы в творчестве писателей русского зарубежья // Регионоведение. 1999. № 2. С. 261–266.

Т.С. Астахова

Языковые особенности донских фамилий в системе русских антропонимов

В статье рассмотрены характерные черты именования внутридонского языкового ареала в системе русских антропонимов, вариативность местных антропонимических структур, затронут вопрос родового имени в казачьей среде. Анализируются словообразовательные особенности донских фамилий, их процентное соотношение в сравнении с показателями по другим областям, а также группы фамилий по их частотности, подробно описаны некоторые уникальные фамилии, количественная и качественная структура донской фамильной антропонимии, типы основ донских фамилий, роль прозвищ в данном ареале.

Ключевые слова: донской языковой ареал, антропонимика, фамилия, прозвище, родовое имя.

Лексический состав языка меняется, поэтому претерпевает изменения и антропонимикон, который включает фамилии и складывается многие века: одни онимы заимствуются, другие уходят из употребления, меняются варианты их комбинации, что характеризует особенности нации в определенный промежуток, т.е. отражает менталитет и историю народа. Поскольку система именований отражает особенности идентификации лица в разное время, изучение фамилий ценно для лингвистики и истории, ведь оно «позволяет полнее представить исторические события последних столетий, равно как и историю науки, литературы, искусства. Фамилии – своего рода живая история» [5, с. 197]. И чем больше проходит времени, тем больше возникает вопросов, поэтому фамилии занимают особую нишу в языке, привлекая исследователей и выполняя при этом две функции: выделяя название семьи среди других и сохраняя его в истории, т.о. реализуя свою юридическую задачу. Это относится как к фамилиям в целом, так и к фамилиям определенных языковых ареалов.

Лучше всего это видно на примере части нации, например, казачества, которое отражало особенности русской нации, в то же время отличаясь от всего общерусского, что отразилось на принципах именований. Поэтому изучение антропонимики донского ареала представляет особый интерес для русистики, и онимы Подонья были предметом научного интереса ряда ученых, анализировавших местные антропонимы на базе исторических документов (О.Н. Трубачев, Л.М. Щетинин) и художественных текстов, посвященных казачеству: это произведения М.А. Шолохова (В.В. Громова, О.А. Давыдова, Н.В. Данилова, Е.И. Диброва), И.Э. Бабе-ля (А.В. Подобрий).

Донской антропонимикон имел особенности еще в начале становления русского языка, отличаясь особым варьированием именований с участием прозвища, что выражалось следующими соотношениями: «X – христианское имя, Р – неканоническое имя, x – патроним или фамилия, образованные от христианского имени, р – патроним или фамилия, образованные от неканонического имени, а также прозвище, указание на побочное занятие лица, его принадлежности к определенной местности, этнического происхождения. <...> Варьирование антропонимических структур в наименованиях служилых казаков представлено тождествами, состоящими из двух-шести членов: 1. $X + x = X + p$: Максимко Мартыновъ = Максимко Покровской; Якушко Дорофеевъ = Якушка Пяшковъ; 2. $X + x = X + x + p$: Мартюшка Ивановъ = Мартюшко Ивановъ Муксун; Андриюшко Митрофановъ Мыльниковъ = Митрофановъ Андриюшко; 3. $X + p = X + x + \text{сын} + p$: Офона Палтыревъ = Офонка Павловъ, сын Михаила; 4. $X + x = X + x + \text{сын} + p = X + p$: Офонка Федоровъ = Офонка Федоровъ сын Скоробогатковой, Офона Скоробогатковъ и др.» [6, с. 12–13].

Характерно здесь и положение родового имени. Редкое само по себе в русскоязычной среде, оно было депопуляризировано событиями начала XX в., к тому же именование по роду указывает на принадлежность к определенной семье и расценивается как инструмент влияния и претензии на престол, поэтому проблема родового имени всегда была элитарной [8], т.е. не касавшейся казачества, хотя с XVIII в. дворяне были и на Дону [1, с. 88]. Это компенсируется патронимичными фамилиями, обусловленными культом предков и патриархальностью.

В ходе исследований Л.М. Щетинина было выявлено, что для словообразования донских фамилий характерна узость круга аффиксов, который «значительно меньше общерусского и ограничивается суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*. Фамилии на *-ый*, *-ий*, *-ой* (Ладный, Великий, Сказоватой) встречаются крайне редко. Образования на *-ово*, *-его*, *-аго*, *-ых*, *-их* (Мертваго, Хитрово, Пегих) в донских материалах практически не

встречаются. Фамилии на *-ский* в большинстве документов имеют синхронные диалектные дублиеты на *-сков*: Дубовский – Дубовсков, Бузулуцкий – Бузулуцков» [11, с. 33], тогда как в других областях имеются принципиально иные соотношения.

Например, для фамильного антропонимикона Тобольска помимо суффикса *-ов* характерна «многочисленность фамильных образований с суффиксами *-ин/-ын*; *-ой/-ей*; *-ово/-ево*; *-ский/-цкий*; *-ской/-цкой*; *-ый/-ий*; *-ой*; *-ых/-их*» [6, с. 14].

Аффиксальный арсенал фамилий Смоленска и Смоленской области также больше донского: это суффиксы *-ов/-ев*, *-ин* (как свидетельство полноправного вхождения ареала в русскую антропонимическую систему, как и в случае Подонья), *-ск/-цк-*, *-ович/-евич/-ич*, *-онко/-енко*, *-онок/-енок*, *-ук/-юк/-чук*, *-ко*, *-еня*, *-ец*, *-ых*, *-аго/-яго*, а также бессуффиксальные фамилии [2, с. 212 – 217]. Процентное соотношение смоленских фамилий, указанное И.А. Королевой [Там же], представлено в диаграмме (рис. 1), где видна частотность тех или иных фамильных аффиксов Смоленской области и выделяются бессуффиксальные фамилии и фамилии с суффиксами, которых или нет (*-онко/-енко*, *-ец*, *-еня*), или мало (*-аго/-яго*, *-ых/-их*) в донском антропонимиконе.

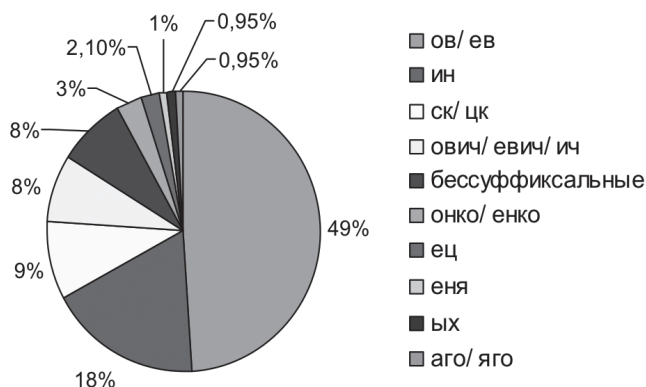

Рисунок 1. Процентное соотношение фамильных аффиксов Смоленщины

Для очевидности особенностей донского круга аффиксов по сравнению с другими областями обратимся к таблице 1.

В донском антропонимиконе нет фамилий, образованных бессуффиксальным способом, что говорит об их тенденции к уподоблению общерусским (см. ниже *Катагарь* → *Катагаров*), но нельзя забывать о переписчиках, ориентированных на нормирование и единообразие фамилий.

В любом случае, круг донских фамильных аффиксов узок, составляет меньше половины рассмотренных фамильных суффиксов (44%), что представляет собой одну из его особенностей.

Таблица 1

№ п/п	Суффикс	Подонье	Смоленск	Тобольск
1	-ов/-ев	+	+	+
2	-ёв			+
3	-ин	+	+	+
4	-ын			+
5	-ово	+		+
6	-ево			+
7	-ого			+
8	-его	+		+
9	-аго	+	+	
10	-яго		+	
11	-ый, -ий	+		+
12	-ых	+	+	+
13	-их	+		+
14	-ск-/ -цк-		+	+
15	-ович/-евич/-ич		+	
16	-онко/-енко		+	
17	-онок/-енок		+	
18	-ец		+	
19	-еня		+	
20	-ский	+		+
21	-цкий			+
22	-ской/-цкой			+
23	-сков	+		
24	-ой/-ей	+		+
25	-ук/-юк/-чук		+	
26	-ко		+	
27	бессуффиксальные		+	
Итого		11	14	16
Проценты от общего количества аффиксов		44%	56%	64%

Следующая отличительная черта донского антропонимикона – наличие уникальных фамилий, представленных только на Дону. Так, Л.М. Щетининым выделяются группы фамилий по признаку их популярности в Области Войска Донского: широкой и умеренной распространенности,

а также редкие, в т.ч. уникальные, которые «не только не встречаются в других населенных пунктах Подонья, но и в силу семантики основ маловероятны для других русских антропонимических ареалов» [12, с. 32]. К последнему классу ученый относит фамилии *Виноходов*, *Виножадов*, *Винохатов*, *Катагаров*, *Лазутчиков*, *Недомерков*, *Нестреляев*, *Одров*, *Тумин*, *Тюрморезов* и др., среди которых вызывает интерес происхождение фамилий *Виножадов*, *Катагаров*, *Тумин* и *Тюрморезов*.

Первая имеет корни *-вин-* (*вин/о*) и *-жад-* (*жад/ин/а*) и обозначает человека, жадного до вина. Интересно, что среди столь малочисленных уникальных фамилий три с корнем *-вин-* отмечены в одной станице (Багаевская). Но вот фамилия *Виноходов* вовсе не имеет отношения к винопитию, т.к. образована от диалектизма «виноходец», отмеченного в Усть-Медведицком округе (ст. Клетская [4, с. 445]) и означающего «лошадь, которая бежит иноходью. – *Кони все справные. Прошедшую ночь завалился наш виноходец, бывший лапшиновский, доглядели. А так все в порядке*» [7, с. 229]. Т.е. *Виноходовым* называли «человека, отличающегося особой походкой, чем-то схожей с необычной побегой иноходца, а *Виноходов* – одна из диалектных фамилий, образованных от названий животных» [11, с. 42].

Фамилия *Катагаров*, зафиксированная в 1800 г., образовалась от *Катагарь* (1745 г.) с помощью суффикса *-ов-* по аналогии с большинством русских фамилий. Вероятно, она произошла от диалектизма «катагар – род полевой печи» [9, с. 66] и относится к группе фамилий, образованных от прозвищ: Катагар(ь) мог быть поваром во время военных действий или побывать в г. Катагар (Афганистан), подобно тому, как в «Тихом Доне» у Мелеховых было прозвище *Турки*: *В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину. <...> С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – Турки* [10, с. 6, 8].

Фамилия *Тумин* образована суффиксальным способом от диалектизма *тумá*, обозначающего не коренного казака. «Всякий, не принятый в казачьем городке, носил на языке казаков имя тумы» [4, с. 346–347], т.е. Тумин не был принят казачьей средой ввиду его происхождения от смешанного брака или личностных качеств. Это прозвище отражено в топонимах: целая «часть селения Есауловской станицы называется Тума прирожденная» [4, с. 346–347], есть и украинское село Тумин.

Фамилия *Тюрморезов* в своем составе имеет два корня: *-тюрьм-* (*тюрьм/а*) и *-рез-* (*рез/а/ть*), сочетание которых – *(под)резать тюрьму* – указывало на человека, сбежавшего из тюрьмы. Эта фамилия относится

к целому классу фамилий, «основы которых сообщают о... памятных событиях в жизни первых носителей прозвищ» [12, с. 259], и сегодня известна в России (Ростов-на-Дону) и на Украине (Светловодск).

Структура донских фамилий с позиции их происхождения количественно и качественно отражена в таблице 2 [11, с. 34].

Таблица 2

Структура донской семейной антропонимии			
№ п/п	Основа фамилии	Проценты	Примеры
1	Прозвища		
1.1	по внешности/ характеру	46%	Тонконогов, Усачев, Ленивов
1.2	этнонимические	1,8%	Греков, Калмыков
1.3	топографические	0,9%	Загороднов, Колобродов
1.4	сословно-должностные и профессиональные	12,5%	Блинников, Генералов, Титарев, Хорунжев
2	Термины родства	0,4%	Вдовин, Дедушкин, Кумов
3	Топонимы	1,8%	Медведицков, Московкин
4	Антропонимы	35%	Аникин, Дейкин
5	Некалендарные русские имена	1,6%	Квасов, Поздняков

Большая часть донских фамилий (61,2%) произошла от прозвищ (с преобразованием описательных), что отличает донской ареал.

Среди фамилий Смоленщины выделяются типы фамилий по их происхождению от не-/крестильных, тюркских имен, названий профессий, географических наименований, этнонимов и этнотопонимов, названий, указывающих на социальное положение именованного и его должность [2, с. 3]. Особенности происхождения донских фамилий по сравнению со смоленскими отражены в таблице 3.

Для основ донских фамилий наиболее важны описательные прозвища и термины родства, но процент фамилий, образованных от последних (*Вдовин*), очень мал (0,4%), так что самобытным явлением донского фамильного антропонимикона является предпочтение прозвищ (61,2%), прежде всего описательных (46%), в качестве основ фамилий (рис. 2).

Действительно, «характерной чертой казачьих фамильных антропонимов является образование их от прозвищ, которые были даны в связи с какой-либо чертой характера, особенностью внешности или поступками объекта первичного именования. Эту группу антропонимов можно отнести к архетипу культуры, основывающемуся на поддержании традиции именования потомков человека, отмеченного прозвищем. Так, о свойствах характера говорят фамилии *Растяпин, Поцелуев, Крикунов*... Внешность описывают казачьи фамилии *Харинов, Ладный, Великий*» [3, с. 187].

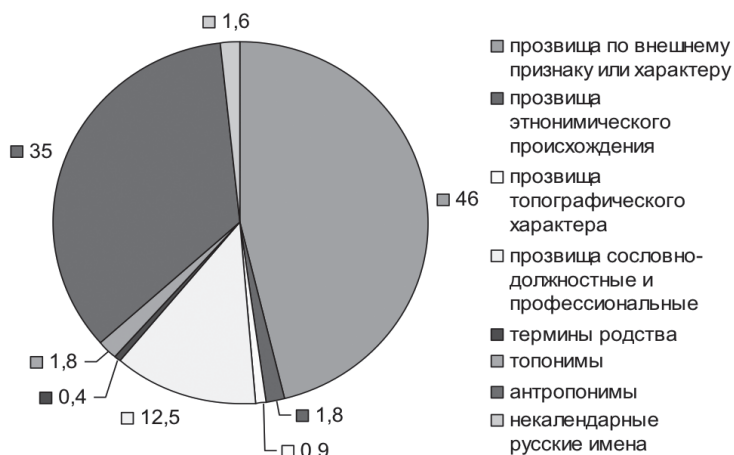

Рисунок 2. Долевое соотношение основ донских фамилий

Таблица 3

№ п/п	Основа фамилии	Регион	
		Подонье	Смоленщина
1	Прозвища		
1.1	по внешнему признаку или характеру	+	
1.2	топографического характера	+	+
1.3	этнонимического происхождения	+	+
1.4	сословно-должностные и профессиональные	+	+
2	Термины родства	+	
3	Этнотопонимы		+
4	Имена		
4.1	календарные	+	+
4.2	некалендарные русские имена	+	+
4.3	иноязычные имена (тюркские)		+
4.4	не-/календарные женские имена		+

Прозвище, столь важное для донской ономастики, имеет более долгую историю, чем патронимы, ведь необходимость в различии тезок была всегда, а казачество было верно традициям, что способствовало и сохранению прозвищ, ставших базой для большинства донских фамилий.

Донской субэтнос представляет собой неповторимую часть русской культуры, а его антропонимикон – самобытное языковое явление русской ономастики, ведь в нем присутствуют как общерусские особенности системы именований (неупотребительность родового имени, наличие

отчеств, преобладание фамилий на *-ов/-ев, -ин*), так и характерные черты донского ареала (узкий круг фамильных аффиксов, уникальность ряда фамилий, значительная роль прозвищ и преобладание фамилий, образованных от их разных типов, чаще описательных).

Библиографический список

1. Ауский С. Казаки. СПб., 2001.
2. Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.
3. Костюченкова Е.М. Антропонимическая система как элемент лингвокультуры донского казачества. URL: ftp://194.226.213.129/text/kostuchenkova_38_82_p183_188.pdf (дата обращения: 01.02.2012).
4. Миртов А.В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Волгоград, 2006.
5. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. М., 1993.
6. Сидоренко Е.Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005.
7. Словарь языка Михаила Шолохова / Гл. ред. Е.И. Диброва. М., 2005.
8. Успенский Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.
9. Чемякин Е.А. Казачьи фамилии и ... – 2: (этимология, гидротопонимика, краеведение). Волгоград, 2007.
10. Шолохов М.А. Тихий Дон: В 2 т. Т. 1. М., 2005.
11. Щетинин Л.М. Донской ономастикон: Монография. Ростов-н/Д., 2004.
12. Щетинин Л.М. Фамилии донских казаков // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1994. С. 253–260.

А.И. Васильев

Фразеологическая тавтология в древнерусском языке

Данная статья посвящена описанию различных видов тавтологических фразеологических единиц древнерусского языка, которые имели широкое

употребление в нем. Древнерусские тавтологические фразеологизмы образовывались в результате реализации различных фразеологических моделей.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеологическая единица, фразеологическая тавтология, фразеологическая модель.

Тавтологические выражения имели широкое употребление в древнерусском языке, гармонично вписывались в древнерусские тексты и были способны выразить различные оттенки смысловых отношений.

В лингвистике существует узкое и широкое понимание тавтологии. При первом к ней относят только сочетания однокоренных слов (*зиму зимовать, криком кричать*), а при широком – также тавтологические обороты, основанные на синонимии (*путь-дороженька*), оборот творительный тавтологический (*смеяться громким смехом*) и другие сочетания-повторы. Учение о тавтологии близко к общей теории редупликации – учения «о повторе вообще любых языковых единиц и на любых языковых уровнях» [1, с. 34–36].

Под тавтологической фразеологической единицей (ТФЕ) мы понимаем «сочетание однокоренных слов, близких по значению и различающихся морфологически» [4, с. 13–17]. Тавтологические ФЕ обладают высокой экспрессивностью благодаря своей фиксированной и постоянной структурной модели, которая свободна для конкретного лексического наполнения.

Тавтологические устойчивые сочетания особенно активно подвержены процессу моделирования и при своем образовании представляют собой типологические серии фразеологизированного характера, «смысловое содержание которых зачастую находится в теснейшей связи со значением всего грамматико-ситуативного комплекса» [1, с. 35–36].

ТФЕ древнерусского языка образовывались по следующим фразеологическим моделям. 1. Модель «глагол + имя существительное в винительном падеже»: *видѣти видѣние* ‘представлять себе что-либо необычное’ (Усп. сб., 216)¹; *доумати доуму* ‘усиленно что-либо обдумывать’ (ИЛ, 1147, 126 об.); *изаславъ же рече имъ цѣловали ко мнѣ хрестъ а доуму*

¹ Здесь и далее примеры из следующих источников: Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 1997; Ипатьевская летопись. Т. 2. М., 1998; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Т. III. М., 2000; Новгородская первая летопись старшего извода и Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись. Т. IV. Часть 1. М., 2000; Псковские летописи, вып. II. М., 1955; Рогожский летописец. Тверской сборник. Т. XV. М., 2000; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Т. XVI. М., 2000; Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.

есми с ними доумалѣ а всако сего поутѣ не хочоу отложити а въ доспѣвантѣ; дѣлати дѣло ‘заниматься по-настоящему каким-либо делом’ (Усп. сб., 44 г.); жити житѣе ‘жить’ (ИЛ, 1074, 73); заповѣдати заповѣдь кому ‘сделать кому-либо наставление’ (Усп. сб., 102 г.); ополчити (исполчити) полкы – ‘установить войско в боевом (предбоевом) порядке’ (НІВЛ, 1378, 215); соудити соудѣ ‘судить’ (ИЛ, 1168, 189 об.); мостити (намостити, помостити) мостѣ ‘строить новые и укреплять действующие мост(ы)’ (НІВЛ, 1014, 51); и рече володимерѣ требите поутѣ и мосты мостите хотіаши бо на іарослава ити на сѣна своего но разболѣся; мьстити (отмьстити) мьсть ‘отомстить кому-либо’ (Псков. 2-я лет., 1460, 202 об.) и др. ТФЕ пѣннити полонѣ ‘захватить в плен’ представляет собой интересный пример сочетания двух совпадающих по смыслу слов, но имеющих разное происхождение – южнославянского нити и восточнославянского полонѣ: (ЛЛ, 1242, 164 об.) великѣи князь іарославѣ посла сѣна своего андрѣа в новѣгородѣ великѣи в помочѣ ѡлександрови на нѣмци и повѣдиша іа за плесковом на ѡзерѣ и полонѣ многѣ пѣнниша. Фразеологическая модель «глагол+имя существительное в винительном падеже» могла осложняться предлогом: троубити (въстроубити) въ троубѣ ‘подавать при помощи музыкальных инструментов определенные военные сигналы’. они же плесковици отѣ орѣшка в полѣдни отѣхаша въстроубивѣ в троубѣ и оудари въ боуѣны и в посвистѣли (Лет. Авр., 1348, 80);

2. Модель «глагол + имя существительное в творительном падеже»: казнити казню (смертию) кого ‘казнить кого-либо, умертвить’ (НІУЛ, 1386, 238 об.), моучити моуками кого ‘применять пытки по отношению к кому-либо’ тѣгда цесарѣ максиміанѣ іарости испѣли сѣа и повелѣ святого еразма привести и многими моуками моучити (Усп. сб., 123а); мѣрити мѣрою ‘мерить, измерять’ (ИЛ, 1172, 197 об.); отчѣнитисѣ тѣномѣ ‘окружить город защитными сооружениями’ (НІЛСИ, 1238, 123); плакатисѣ плачемѣ ‘сильно плакать’ (Усп. сб., 1в); повѣдити повѣдою ‘одержать подряд одну победу за другой’. (ИЛ, 1250, 271 об.). ТФЕ стрѣлати (рассстрѣлати) стрѣлами в древнерусском языке была многозначной: 1) ‘убить, казнить кого-либо’. давѣдѣ же пославѣ приведе василіа и лазаріа и дастѣ іа и створиша мирѣ в неделю а заоутра позора повѣсиша василіа и лазаріа и рассстрѣлаша стрѣлами васиаківичи и идоша ѡт града (ЛЛ, 1097, 90–90 об.); 2) ‘о непрерывной стрельбе из лука стрелами между противоборствующими сторонами’ егда бо тотарове пристоупахоу къ градуу близѣ пристоупающе къ стѣнамѣ градскымѣ тогда же граждане стрегоуще градѣ соупротивишасѣ имѣ възбранающе ови стрѣлахоу стрѣлами съ заборолѣ ови же каменнемѣ шибахоу на нѣа (НІВЛ, 1382, 226).

В состав ТФЕ могли входить устойчивое словосочетание (крестное знамение) и глагол, являющийся однокоренным одному из компонентов этой ФЕ: **знаменатися крестнымъ знаменемъ** 'перекреститься': **яко тѣа люблю и тебе гоню и съкончавъ молитву и пришьдъ и знаменавъся знаменемъ христовымъ тришьды отиде отѣи въ другое мѣсто** (Усп. сб., 297а).

Другие модели представляют собой редкие случаи употребления. К ним относятся: 1) модель «имя существительное + имя прилагательное»: **вѣкъ вѣчный** 'вечная жизнь на том свете' (НІЛМИ, 1227, 147 об.); 2) модель, представляющая собой оборот «дательный самостоятельный»: **стрѣлцемъ стрѣляющимъ** 'в то время, когда стреляли стрелами' (ЛЛ, 1154, 114 об.); 3) модель «имя существительное в творительном падеже + союз + имя существительное в творительном падеже в отрицательной форме»: **волею и неволею** 'независимо от желания: о ситуации, которую невозможно избежать' и **рече свѣтославъ оуже намъ нѣкамо сѣ дѣти волею и неволею стати противу да не посрамимъ землѣ роускиѣ но лажемъ костьмъ тоу мертвѣ бо срама не имамъ** (ЛЛ, 971, 21об.); 4) модель «имя существительное в творительном падеже + имя существительное в родительном падеже»: **тмами тмы** 'об очень большом количестве войска'. ИЛ, 1111, 100: **наставъшу же понѣделникоу страстныа недѣли паки иноплеменици собраша полки своѣа многое множество и вѣстоупиша яко борове велиции и тмами тмы и вѣстоупиша полкы роускыи и посла господь богъ ангела в помощь роусьскымъ княземъ**; 5) модель «имя прилагательное + имя существительное в именительном падеже»: **много (многое) множество** 'большое количество кого- или чего-либо'. **киане же рекоша вѣчьслагоу и изѣслагоу и ростислагоу ать же поидоуть вси како можетъ и хлѣдъ в роуци взѣати пакы ли хто не поиде намъ же и даи ать мы сами побьемъ и тако поидоша друтъ друта <...> с радостию по своихъ князехъ и на конихъ и пѣши многое множество шедше и сташа оу звенигорода** (ИЛ, 1151, 157).

Тавтологические выражения могли представлять собой коммуникативную единицу: **стражѣ стрежаху** 'сторожа охраняли' новгородѣци **призваше пльсковиче и ладожаны и сдоумаша** **яко изгонити князѣа своего всьволоджа и вьсадиша въ епископлѣ дворъ съ женою и съ дѣтьми и съ тщею мьсяца маѣа въ 28 и стражѣ стрежаху день и ночь съ оружемъ 30 моужъ на день**; (НІЛСИ, 1135, 103 об.).

Проведенный анализ структурных моделей ТФЕ позволил прийти к выводу, что абсолютное большинство таких выражений составляют глагольные тавтологические обороты, например: **видѣти видѣние**, **доумати доумоу**, **дѣлати дѣло**, **заповѣдати заповѣдь кому**, **оуставляти оуставы**

и др. Именные тавтологические обороты составляли лишь небольшую часть от общего числа ТФЕ: *волею и неволею, тмами тмъ* и др.

Нами отмечены случаи фонетической, морфемной и компонентной вариативности: *казнити казнню (смертию) кого, много (многое) множество, мостити (намостити, помостити) мостъ (мосты), мьстити (отмыстити) мьсть, ополчити (исполчити) полкы, праз(а)ьновати праздникъ (празднество), трюбити (вьстроубити) вь трюбъ.*

По мнению И.С. Улуханова, «повторение слов, близких по значению, вновь и вновь возвращало читателя к основному предмету речи, к тому общему понятию, которое лежало в основе значений всех повторяющихся слов. Тем самым демонстрировались сложность, многоплановость этого понятия, утверждались его важность, возвышенность» [6, с. 47].

Повторение одних и тех же слов в составе тавтологических фразеологических оборотов, с нашей точки зрения, выражает количественное усиление интенсивности проявляемого ФЕ значения. Такое употребление тавтологических выражений, как нам кажется, можно назвать фразеологической гиперболой.

Причины появления тавтологических фразеологизмов могут быть разные. Л.И. Ройзензон считает, что они в полной или частично видоизмененной форме появляются в языке с целью экономии речевых средств [5, с. 35].

Тавтологические ФЕ обладают высокой экспрессивностью благодаря своей фиксированной, особым образом организованной и постоянной структурной модели, которая регулярно пополняется. Они обладают широкой способностью к моделированию. «Не может быть тавтологии без явлений моделирования» [Там же, с. 54]. Тавтологические фразеологизмы «не нуждаются в особом контексте для сообщения коммуникативному отрезку повышенной выразительности, экспрессивной заданности, ибо это свойство заложено в самой их весьма своеобразной синтаксической структуре» [3, с. 42].

ТФЕ древнерусского языка была свойственна высокая частотность употребления, которая, в свою очередь, способствовала их большей фразеологизации.

С точки зрения Л.И. Ройзензона, тавтологические ФЕ находятся между синтаксисом и фразеологией, «выступая тесным связывающим звеном между синтаксическими и фразеологическими ярусами языка» [5, с. 55].

Употребление тавтологических ФЕ позволяет создать определенный коммуникативно-экспрессивный эффект, что способствует более точной и выразительной синтаксической актуализации предложения в древнерусском языке.

Итак, ТФЕ древнерусского языка была свойственна высокая частотность употребления, которая, в свою очередь, способствовала их большей устойчивости и фразеологизации; древнерусские тавтологические фразеологизмы образовывались в основном по двум фразеологическим моделям: а) «глагол + имя существительное в винительном падеже»; б) «глагол + имя существительное в творительном падеже». Другие модели были малоупотребительны и непродуктивны. Абсолютное большинство ТФЕ древнерусского языка составляли глагольные устойчивые словосочетания. Тавтологические выражения в древнерусских памятниках характеризовались преимущественно фонетической и морфемной вариантностью.

Библиографический список

1. Бушуй А.М. Типологические серии тавтологических образований фразеологизованного характера // Вопросы фразеологии: Труды Самаркандского университета. Самарканд, 1971.
2. Васильев А.И. Вопросы фразеологизации в синхроническом и диахроническом аспектах // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2011. № 2. С. 68–73.
3. Гаврин С.Г. Проблема фразеологического моделирования // Проблемы образования фразеологических единиц. Тула, 1976.
4. Ломов А.Г. Понятие о фразеологической тавтологии // Актуальные вопросы фразеологии. Самарканд, 1971.
5. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд, 1977.
6. Улуханов И.С. О языке Древней Руси. М., 1972.

И.А. Ковригина

Американские реалии второй половины XIX века в оригинале и переводе на русский язык (на материале романа Теодора Драйзера «Финансист»)

В основу исследования легло выявление особенностей действительности, свойственных для культурной и финансовой среды США второй половины XIX в. В ходе работы было выделено несколько семантических групп безэквивалентной лексики, описывающих культурно-специфические особенности исторического развития Америки в середине позапрошлого века. Статья содержит анализ переводов разных авторов и лингвострановедческие сведения о реалиях, позволяющие судить о значении данной лексики и адекватности ее перевода.

Ключевые слова: реалия, перевод безэквивалентной лексики, транслитерация, транскрипция, калькирование, трансформация.

Американская действительность в XIX в. являлась отражением эпохи смелых спекуляций, стремительного развития экономики, а также стала веком великого труда и грандиозных мошенничеств. В этот период времени появились первые американские миллионеры. Одним из них был Чарлз Тайсон Йеркс [3, с. 7]. Он был финансистом, сыгравшим значительную роль в разработке системы общественного транспорта в Чикаго и Лондоне. История его жизни и легла в основу «Трилогии желания» Т. Драйзера.

Драйзер, стараясь как можно точнее описать жизнь американских финансистов и банкиров XIX в., часто использовал в своем романе реалии того времени, среди них наиболее часто встречаются названия банков, фамилии исторических личностей, упоминания об особо важных событиях тех лет.

Нами в ходе исследования также были рассмотрены варианты и способы переводов реалий XIX в., сделанные разными авторами. Как отмечали в своей известной работе С. Влахов и С. Флорин, «реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответ-

ствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [2, с. 55].

Драйзер, описывая финансовую среду в те годы, приводит названия нескольких крупных банков США.

He was sure that Andrew Jackson was all wrong in his opposition to Nicholas Biddle and the United States Bank, one of the great issues of the day... [6, с. 4].

1. По его убеждению, Эндрю Джексон был совершенно не прав, выступая против Николаса Бидла и **Банка Соединенных Штатов**, – эта проблема волновала тогда все умы [5, с. 6].

2. Он считал, что Андреас Джэксон был не прав, когда соперничал с Никлэс Биддль, за спиной которого стоял **Банк Соединенных Штатов**, одно из самых мощных банковских учреждений того времени [4, с. 16].

3. По его убеждению, Эндрю Джексон был совершенно не прав, выступая против волновавшего тогда все умы проекта Николаса Бидла организовать **Банк Соединенных Штатов** [7, с. 4].

Во всех трех предложениях переводчики использовали такой метод переводческой трансформации, как перестановка.

Second Bank of the United States of America – Второй банк Соединенных штатов Америки, был учрежден в 1816 г. сроком на 20 лет с функциями центрального банка, сходными с функциями Первого банка США; при этом уставной капитал был увеличен с 10 до 35 млн долларов. Являлся единственным хранителем правительственных депозитов, осуществлял контроль над деятельностью банков штатов, ограничивая их кредитные функции. В 1833 г. разногласия между последним президентом банка Н. Биддлом и президентом США Э. Джексонном, вошедшие в историю как «Банковская война», привели к изъятию государственных средств из оборота банка, что значительно снизило его активность на финансовом рынке. После 1863 г. он превратился в банк штата Пенсильвания [1].

His bank was the Third National of Philadelphia, located in the center of all Philadelphia... [6, с. 5].

1. Его банк – **Третий Филадельфийский Национальный** – был расположен на Третьей улице, в этом центре деловой жизни города... [7, с. 4].

2. **Третий филадельфийский национальный банк**, в котором он служил, помещался в деловом квартале... [5, с. 6].

3. Его банк – **Третий Национальный Банк Филадельфии** – помещался на Третьей улице, в самом, можно сказать, центре тогдашней финансовой жизни страны [4, с. 16].

Переводчики во всех трех вариантах использовали прием переводческой трансформации, но в первом варианте – это замена, во втором – замена и добавление, а в третьем – добавление.

Great institutions of national and international import and repute were near at hand – Drexel & Co., Edward Clark & Co., the Third National Bank, the First National Bank, the Stock Exchange, and similar institutions [6, с. 41].

1. Там находились все крупные учреждения национального и международного значения, импортные дома и банкирские конторы Дрексель и К°, Эдвард Клэрк и К°, **Третий Национальный Банк, Первый Национальный Банк**, фондовая биржа и другие [4, с. 56].

2. Тут же под боком находились банкирские дома, пользовавшиеся всеобщей известностью не только в Америке, но и за ее пределами, как «Дрексель и К°», «Эдвард и К°», **Третий Национальный банк, Первый Национальный банк**, а также фондовая биржа и другие подобные учреждения [7, с. 33].

3. Тут же рядом находились банкирские дома, известные не только в Америке, но и за ее пределами: «Дрексель и К°», **Третий национальный банк, Первый национальный банк**, а также фондовая биржа и другие подобные учреждения [5, с. 38].

Во всех трех примерах реалии переведены с помощью приема калькирования.

He made out a check for the total fifteen thousand at once to the Girard National Bank to cover a shrinkage there [6, с. 64].

1. ...и он тут же выписал чек на всю сумму на **Джирардский национальный банк**, чтобы заткнуть там «прореху» [5, с. 56].

2. ...и выписал чек на всю сумму на **Джирард Национэлъ Банк** [4, с. 78].

3. Он тут же выписал чек на все пятнадцать тысяч на имя **Джирардского Национального банка**, чтобы заткнуть там «прореху» [7, с. 49].

Для передачи американской реалии на русский язык в первом и третьем предложении авторы использовали трансформационный перевод, а во втором – транслитерацию.

National bank – коммерческий банк, который регистрируется, в отличие от банка штата, федеральными властями (с 1863 г.). Находится под наблюдением Контролера денежного обращения, в обязательном порядке становится членом Федеральной резервной системы, в его названии должно присутствовать слово «национальный» [1].

В романе автор приводит множество фамилий исторических личностей, известных в XIX в. своими успехами и поражениями на политическом поприще или на финансовом рынке.

He was sure that Andrew Jackson was all wrong in his opposition to Nicholas Biddle and the United States Bank, one of the great issues of the day... [6, с. 4].

1. По его убеждению, **Эндрю Джексон** был совершенно не прав, выступая против **Николаса Бидла** и Банка Соединенных Штатов, – эта проблема волновала тогда все умы [5, с. 6].

2. Он считал, что **Андреас Джексон** был не прав, когда соперничал с **Никлэс Биддль**, за спиной которого стоял Банк Соединенных Штатов, одно из самых мощных банковских учреждений того времени [4, с. 16].

3. По его убеждению, **Эндрю Джексон** был совершенно не прав, выступая против волновавшего тогда все умы проекта **Николаса Бидла** организовать Банк Соединенных Штатов [7, с. 4].

При передаче на русский язык иностранного имени *Andrew* в первом и третьем предложении использовался прием транскрипции, а вот во втором можно говорить о том, что автор выбрал приближенный перевод; фамилия *Jackson* во всех случаях переводится с помощью транскрипции. Имя *Nicholas* в первом и третьем случае переводится с помощью приема транслитерации, а во втором предложении – транскрипции. Фамилия *Biddle* в первом и третьем переводе передается транскрипцией, а во втором – при помощи транслитерации.

Andrew Jackson (1767–1845) – 7-й президент США (1829–37), военный и государственный деятель. Происходил из небогатой семьи ирландских иммигрантов. Начал политическую карьеру как член конституционного конвента Теннесси (1796), был первым конгрессменом от этого штата (1796–97), сенатором (1797–98), членом верховного суда штата (1798–1804). Как командир ополчения Теннесси, стал национальным героем в период англо-американской войны 1812–14 гг. на ее последнем этапе. Опираясь на поддержку плантаторов Юга, фермеров Запада, а также новой буржуазии и рабочих, одержал победу на президентских выборах 1828 г. Политическая группировка, образовавшаяся вокруг Джексона, положила начало Демократической партии. На посту президента выступал за демократизацию избирательной системы и против монопольных привилегий центрального банка США [1].

Nicholas Biddle (8 января 1786 – 27 февраля 1844) – президент (с 1822 г.) Второго банка Соединенных штатов.

Still there were great financial figures in the held, men who, like Cyrus Field, or William H. Vanderbilt, or F.X. Drexel, were doing marvelous things, and their activities and the rumors concerning them counted for much [6, с. 52].

1. Однако уже появились дельцы в роде **Цируса Фильда, Виллиама Вандерильдта** или **Ф. Кс. Дрэкеля**, делавшие чудеса [4, с. 67].

2. Тем не менее на биржевой арене подвизались крупнейшие финансисты, такие, как **Сайрус Филд, Уильям Вандерильдт** или **Ф. Дрексель**;

они творили чудеса, и деятельность их, равно как и всевозможные слухи о ней, играли огромную роль в жизни биржи [5, с. 47].

3. Тем не менее, местный финансовый мир выдвинул таких гигантов, как **Сайрус Филд, Вильям Вандербильт** или **Ф. Дрексель** [7, с. 41].

В первом предложении переводчик для передачи на русский язык значений всех трех реалий использовал транслитерацию, во втором – транскрипцию. А вот в третьем предложении первое имя передано при помощи транскрипции, а второе – при помощи транслитерации.

Cyrus Field (1819–1892) – американский бизнесмен и финансист, в 1856 г. основал Атлантическую Телеграфную Компанию, которая впервые в истории в 1858 г. успешно проложила телеграфный кабель через Атлантический океан.

William H. Vanderbilt – финансист и железнодорожный магнат. Входит в десятку самых богатых людей человечества. В 1857–77 гг. был управляющим несколькими железными дорогами, принадлежавшими его отцу К. Вандербилту. После смерти отца расширил сеть железных дорог на Востоке, начиная с «Нью-Йорк централ». Участвовал в махинациях с тарифами на перевозки, выступал против их регулирования властями [1].

F.X. Drexel – видимо, имеется в виду Френсис Мартин Дрексель (1792–1863), американский банкир австрийского происхождения, в 1837 г. основал в Филадельфии банк *Drexel & Co*, который в дальнейшем стал одним из крупнейших банков в США [6, с. 52].

Then came meetings, public and stirring, and riots; the incident of John Brown's body; the arrival of Lincoln... [6, с. 83].

1. Устраивались митинги, манифестации, происходили беспорядки. Прибытие тела **Джона Брауна**, проезд через Филадельфию Линкольна... [4, с. 99].

2. Затем начались митинги, многолюдные и бурные; уличные беспорядки; инцидент с останками **Джона Брауна**; прибытие Линкольна... [5, с. 73] (перевод указанной реалии совпадает с переводом М. Волосова).

Во всех переводах авторы использовали прием транскрипции.

John Brown – Джон Браун, радикальный аболиционист, деятель периода беспорядков в Канзасе. В 1855 г. вместе с пятью сыновьями переселился в Канзас, чтобы содействовать созданию свободного штата. Узнав о победе сторонников рабства в нескольких населенных пунктах, во главе небольшого отряда напал на пятерых человек и убил их. Вскоре провозгласил себя посланцем Божьим и стал известен всей стране под прозвищем «Старик Браун из Осаватоми». В 1857 г. начал собирать отряды, провел съезд своих сторонников в Канаде и запланировал освободить рабов путем вооруженной интервенции. В ночь на 16 октября 1859 г.

вместе с 21 сподвижником переправился через реку Потомак и, не встречая сопротивления, захватил армейский арсенал и город. После этого по непонятным причинам Браун прекратил какие-либо действия, в то время как местные ополченцы и отряд морских пехотинцев под командованием полковника Р. Ли на следующее утро выбили повстанцев из городка. В ходе боя Браун получил ранение. Его осудили и повесили 2 декабря 1859 г. [1].

В романе «Финансист» исторические события упоминаются автором таким образом, что дают нам возможность наиболее отчетливо понять все особенности, присущие не только финансовой среде, но и эпохе в целом.

The Republic of Texas, in its struggle for independence from Mexico, had issued bonds and certificates in great variety, amounting in value to ten or fifteen million dollars. Later, in connection with the scheme to make Texas a State of the Union, a bill was passed providing a contribution on the part of the United States of five million dollars, to be applied to the extinguishment of this old debt [6, с. 13].

1. Эта республика, боровшаяся с Мексикой за свою независимость, выпустила ряд займов на сумму в десять-пятнадцать миллионов долларов. Имелся план включить Техас в число штатов США, и в связи с этим через конгресс был проведен законопроект об ассигновании пяти миллионов долларов в счет погашения старой задолженности республики [5, с. 38].

2. Эта республика, вступившая в борьбу за независимость с Мексикой, выпустила ряд займов в общем на сумму в десять-пятнадцать миллионов долларов. Правительство Соединенных Штатов, намереваясь присоединить Техас, внесло в конгресс законопроект об ассигновании пяти миллионов долларов как доли в погашении старой задолженности этой республики [7, с. 33].

3. Республика Техас, в борьбе за независимость против Мексики, в свое время выпустила большое количество различных облигаций и свидетельств на сумму свыше пятнадцати миллионов долларов. В правительственных сферах существовал проект превратить Техас в союзный штат; в конечном итоге прошел законопроект, предусматривавший взнос Соединенными Штатами пяти миллионов долларов в частичное погашение задолженности [4, с. 25].

Для перевода американской реалии в первых двух случаях использовалось опущение, подвид переводческой трансформации, а в третьем – калькирование.

Republic of Texas – Республика Техас, провозглашена в марте 1836 г. в результате восстания техасских колонистов против мексиканских

властей, вошедшего в историю как Техасская революция. На мартовском конвенте в Техасе была провозглашена независимость от Мексики, которая стала реальностью в октябре после победы при Сан-Хасинто. Президентом республики был провозглашен С. Хьюстон. Основные направления деятельности его первой администрации (1836–38) состояли в попытках установить общую политическую и экономическую стабильность, мир с индейскими племенами, а также добиться признания со стороны США. В 1838 г. президента Хьюстона сменил М. Ламар, настроенный на независимость Техаса и изгнавший с его территории практически всех индейцев. В 1841 г. Хьюстон был переизбран и добился основной цели – аннексии Техаса летом 1845 г. и принятия его в состав США на правах штата в феврале 1846 г. [1].

One spring evening they sat on the porch and talked – nothing very important – slavery, street-cars, the panic – it was on then, that of 1857 – the development of the West [6, с. 58].

1. Однажды, в теплый весенний вечер, они сидели в саду и обсуждали разные вопросы: о рабстве, о новых трамвайных линиях, **о панике 1857 года, которая была тогда в самом разгаре, о развитии Запада** [4, с. 73].

2. Однажды весенним вечером они все трое сидели на веранде и болтали – так, о пустяках – о негритянском вопросе, о конке, **о только что разразившейся финансовой панике (это было в 1857 году)** и о быстром развитии Запада [5, с. 52].

3. Однажды весенним вечером все они сидели на веранде и спокойно беседовали о негритянском вопросе, о конке, **о только что разразившейся финансовой панике (это было в 1857 году)** и о росте Запада [7, с. 45].

При переводе указанной безэквивалентной лексики авторами во всех трех случаях использовались такие подвиды переводческой трансформации, как замена и перестановка.

Промышленно-финансовый кризис 1857 г. был третьим кризисом в экономической истории Америки и носил преимущественно финансовый характер [3, с. 645]. Американская экономика, ослабленная бумом, чрезмерным ростом акций и всевозможных форм кредита, рухнула под ударом резкого падения зерновых цен, вызванного отказом Европы от закупок американского зерна. Следовательно, в США пострадал транспортный бизнес, товарные железнодорожные и морские перевозки. Фермеры, не имея сбыта своей продукции, оказались не в состоянии погашать долги банкам. Банки же увязли в безнадежных ссудах. Последней каплей, подействовавшей, словно «взрыв бомбы», было сообщение, что 24 августа 1857 г. казначей Нью-Йоркской конторы большого провинциального банка «Ohio Life Insurance and Trust Company» похитил все

ликвидные средства банка, используя их для спекуляций с ценными бумагами. После объявления банка о своем банкротстве вдруг выяснилось, что сотни предприятий не имеют ликвидных средств, чтобы производить срочные платежи. К 25 сентября 1857 г. число банков, прекративших выплату вкладов и размен своих банкнот, достигло 175. Практически вся банковская система США потерпела крах, остановив значительную часть экономической деятельности в стране.

Подводя итог, можно отметить, что реалии американской действительности, рассмотренные в ходе исследования, помогают получить довольно подробное представление о периоде времени, описанном в романе. Все рассмотренные в статье явления, характерные для данной культуры, создают как национальный, так и исторический колорит, что чрезвычайно важно для восприятия читателя.

В ходе анализа произведения Т. Драйзера «Финансист» на языке оригинала нами было обнаружено около 90 реалий, описывающих действительность США второй половины XIX столетия. Для статьи мы отобрали 13 реалий, которые разделили на три семантические группы. Можно с уверенностью сказать, что преобладающими способами передачи безэквивалентной лексики на русский язык во всех трех переводах являются транскрипция и транслитерация. В переводе М. Левиной эти приемы использовались в 50% случаев, у М. Волосова – примерно в 63%, у М. Волосова под редакцией Н. Ман – примерно в 56% случаев. Довольно часто встречается прием переводческой трансформации, например, у М. Левиной – около 18%, у М. Волосова – примерно 31%, у М. Волосова под редакцией Н. Ман – около 31%. Использование калькирования у М. Волосова и М. Волосова под редакцией Н. Ман составляет примерно 13%, а у Левиной – около 18%. Приблизительный перевод встретился нам только один раз у М. Левиной.

Выбор метода перевода реалии – задача весьма сложная, поскольку необходимо сохранить национальный колорит, но при этом не дать слову утратить коммуникативную ценность. Серьезным недостатком транслитерации, по мнению Г.Д. Томашина, является то, что этот прием приводит к появлению в переводе непривычных и малопонятных слов [9]. Однако подобное утверждение вряд ли можно отнести к антропонимам, поскольку в таком случае этот способ перевода является наиболее оправданным.

Библиографический список

1. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа II» / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Г.В. Чернова. Словарь ABBYY Lingvo 12: Americana (En–Ru) (к версии Lingvo 12). 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.

3. Динамов С.С. Предисловие // Драйзер Т. Собр. соч. / Под общ. ред. С.С. Динамова. Т. 2. Финансист / Предисл. и примеч. С. Динамова / Полн. пер. с англ. М. Левиной. М.–Л., 1928. С. 7–12.
4. Драйзер Т. Финансист / Полн. пер. с англ. М. Левиной // Драйзер Т. Собр. соч. / Под общ. ред. С.С. Динамова. Т. 2. М.–Л., 1928.
5. Драйзер Т. Финансист / Пер. с англ. М. Волосова под ред. Н. Ман // Драйзер Т. Собр. соч. в 12 т. Т. 3. М., 1951.
6. Драйзер Т. Финансист: Кн. для чтения на англ. яз. СПб., 2007.
7. Драйзер Т. Финансист: Роман / Пер. с англ. Марка Волосова. М., 1944.
8. Мишо Р. Иностранная критика о Теодоре Драйзере: Приложение // Драйзер Т. Собр. соч. / Под общ. ред. С.С. Динамова. Т. 2. Финансист / Предисл. и примеч. С. Динамова / Полн. пер. с англ. М. Левиной. М.–Л., 1928. С. 649–655.
9. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1988.

Е.Н. Макарова

Типология ошибок в локализации интонационного центра высказывания в английской неродной речи

Статья посвящена анализу ненормативных смещений интонационного центра высказывания в английской речи русских людей. На основе результатов фонетического эксперимента описана типология ошибок в локализации интонационного центра в английских высказываниях и приведена их классификация. Полученные данные могут служить основой для дальнейшей разработки проблемы выбора интонационного центра высказывания в неродной речи, а также способствовать совершенствованию методики преподавания английского языка в русской аудитории.

Ключевые слова: интонационный центр, сопоставительный анализ, событийные предложения, слова с низким семантическим весом, наречия-интенсификаторы, ошибочный вариант.

Область устного речевого общения является сегодня одной из самых востребованных в рамках обучения иностранному языку. Овладение навыками устной речи, в свою очередь, невозможно без усвоения произносительной стороны неродного языка как на сегментном, так и супraseгментном уровнях. Значимость роли интонационных средств в процессе межкультурного общения является неоспоримой и признается большинством современных отечественных и зарубежных лингвистов. Наряду с изучением просодических особенностей системы того или иного языка представляют важность сопоставительные исследования, направленные на выявление как универсальных, так и специфических интонационных характеристик.

Интерес к исследованию наиболее фонологически значимой единицы интонационного контура – интонационного центра высказывания – представляется важным прежде всего потому, что этот участок синтагмы обладает высокой смысловоразличительной значимостью. Верная локализация интонационного центра высказывания важна как при восприятии, так и в говорении, поскольку играет в процессе понимания решающую роль.

Наряду с принадлежностью к категории языковых универсалий, этот участок интонационного контура имеет конкретно-специфические языковые характеристики. Сравнение локализации интонационного центра высказывания в разных языках интересно как в лингвистическом, так и в лингвометодическом аспектах. В отечественной лингвистической науке предприняты лишь единичные исследовательские попытки контрастивного анализа систем двух языков по данному признаку. Работа А.А. Лебедевой посвящена сопоставительному анализу нормативных случаев расхождения в местоположении интонационного центра в английских и русских неэмфатических фразах [5]. Автор рассматривает как случаи совпадений позиций интонационного центра в нейтральной речи в английском и русском языках, так и примеры стабильных расхождений в системе фразовой акцентуации двух языков, не касаясь, однако, проблемы языкового взаимовлияния на этом уровне. Между тем важность исследования нормативных / ненормативных позиций интонационного центра с позиций языковых контактов, в том числе на уровне межкультурной интерференции, подтверждается регистрацией ошибок в выборе главноударного слова в неродной речи. Анализ отечественных научных работ по интонологии показывает, что наличие ошибок в определении места интонационного центра у русских, изучающих английский язык в качестве иностранного, отмечается в работах таких исследователей как Г.М. Вишневская, Н.Б. Вольская, М.М. Кубланова [2; 3; 4]. Так, Г.М. Вишневская отмечает, что «...группа типичных ошибок русских в английском

фразовом ударении связана с неправильным выбором интонационно-семантического центра (ядра, фокуса)» [2, с. 189]. Однако эти исследователи не ставили своей задачей изучение влияния родного языка русских на выбор ими позиции интонационного центра в английской фразе. Можно утверждать, что в российской традиции детальное изучение ненормативных сдвигов интонационного центра в речи изучающих английский язык как иностранный не получило достаточной освещенности.

Английский и русский языки обнаруживают в рассматриваемой области как сходства, так и различия. По мнению А.А. Лебедевой, «в русском языке вариативность порядка слов создает предпосылки для практически автоматического смещения интонационного центра на конечный элемент предложения... В английском языке строго фиксированный порядок слов характеризуется большей в сравнении с русским языком вариативностью местоположения интонационного центра» [5, с. 40]. Вместе с тем, несмотря на указанные выше различия, в современной литературе можно встретить мнения о том, что выделение наиболее информативных слов во фразе является одной из характерных черт сходства между английским и русским языком. Л.З. Мазина утверждает, что и «для русского языка характерно использование передвижения центра ИК [интонационного контура.— Е.М.] для детализации смысловых отношений внутри предложения» [6, с. 37].

Задачей фонетического эксперимента явилась регистрация ненормативных смещений интонационного центра в английской речи русских билингвов, определение типологии выявленных ошибок и их классификация.

Для решения поставленных задач был подобран экспериментальный материал на английском языке, содержащий 190 микродиалогов (так называемые условные эталоны), в реплике-ответе которых был возможен лишь один вариант позиции интонационного центра. Его локализация либо была ограничена рамками предшествующего контекста, либо определялась лингвистическими особенностями экспериментального материала. Данные диалогические единства были предъявлены для прочтения 10 русским дикторам, владеющим английским языком на уровне *Intermediate*. Дикторы читали экспериментальный материал в парах, озвучивая попеременно как реплики-стимулы, так и реплики-ответы. Вторым этапом фонетического эксперимента был слуховой анализ полученных реализаций, в ходе которого было определено место интонационного центра в каждом из 1900 высказываний. Для дальнейшей работы с исследуемым материалом были привлечены аудиторы-американцы, задачей которых было определение нормативности / ненормативности звучания

исследуемых фраз с точки зрения локализации в них интонационного центра. После выполнения этого задания высказывания со смещенными интонационными центрами были предъявлены аудиторам в парах с эталонными вариантами. На этом этапе аудиторского эксперимента задачей аудиторов – носителей английского языка – являлось определение разницы между одними и теми же высказываниями с различным местом интонационного центра.

Анализ полученных в ходе экспериментальной работы данных позволяет говорить о том, что в целом русские дикторы верно выбирают место главноударного слова в английской фразе. Четверо дикторов продемонстрировали сформированность навыка в выборе интонационного центра более, чем в 80% фраз от общего количества экспериментального материала, трое – более, чем в 70%, 2 диктора правильно определили позицию главноударного слова в 60% и 58% исследуемых фраз, и лишь один диктор верно реализовал менее половины представленных для прочтения реплик-ответов (41%). Тщательное изучение лингвистического материала с учетом данных, полученных в ходе аудиторского эксперимента, позволяют выделить типы фраз, представивших трудность для большинства информантов.

Первая группа включает так называемые «событийные предложения» (*event sentences*). Дж. Уэллс в работе «Английская интонация» предлагает такое описание событийных предложений: «Событийные предложения... это предложения, описывающие какое-либо событие при помощи использования непереходного глагола. Интонационный центр в таких случаях, как правило, расположен на подлежащем... даже если глагол однозначно является носителем новой информации» [7, с. 174]. Событийные предложения, как правило, отвечают на вопрос «Что случилось?» или «В чем дело?». Влияние контекста на распределение фразовых акцентов в таких случаях является минимальным, поскольку локализация главноударного слова предопределена самой структурой предложения. В исследуемом материале в 9 примерах из 20, принадлежащих к данному типу, были сделаны ошибочные смещения интонационного центра вправо подавляющим большинством дикторов, например:

ЭВ (эталонный вариант): – *What's happened? – The **tree** fell down* (место интонационного центра выделено в тексте).

ОВ (ошибочный вариант): – *The tree fell **down**.*

ЭВ: – *What's this? – The **phone** is ringing.*

ОВ: – *The phone is **ringing**.*

В этих случаях русские дикторы смещают интонационный центр с подлежащего, являющегося носителем ядерного тона, на финальный

лексический элемент. Такой сдвиг, по мнению аудиторов-американцев, невозможен. Создавшаяся ситуация, описывающая конкретное событие, наряду с синтаксической структурой предложений такого типа делает ошибочными реализации со сдвигом интонационного центра вправо. Важно отметить, что в соответствующих русских переводах английских исследуемых фраз в качестве главноударного элемента также выступает подлежащее, выраженное именем существительным:

– *Что случилось?* – *Дерево упало.*

Или:

– *Что это?* – *Телефон звонит.*

Несмотря на то, что соответствующие русские и английские фразы совпадают по позиции интонационного центра, данный вид ошибки можно назвать типичным для русских дикторов, принявших участие в эксперименте.

Вторая группа фраз с ненормативными смещениями интонационного центра, выявленными в речи всех десяти дикторов, состоит из примеров с производными от английских местоимений *some* и *any* (*someone, anywhere, anyhow, sometimes*) в финальной фразовой позиции. Как правило, в литературных источниках их семантический статус определен терминами «objects of general nature» или «objects of general reference», которые подчеркивают их низкую семантическую нагрузку. Именно она служит причиной того, что высказывания такого рода характеризуются безударностью этих элементов и сдвигом интонационного центра с конечной фразовой позиции:

ЭВ: – *Are you very hungry?* – *I've **had** something.*

ЭВ: – *Does it hurt?* – *I don't **feel** anything.*

Русские дикторы допускают смещения интонационного центра вправо:

ОВ: – *I've had **something**.*

ОВ: – *I don't feel **anything**.*

По мнению аудиторов, такие реализации являются ненормативными и звучат «нелепо и странно». Русские высказывания-эквиваленты характеризует схожий акцентный рисунок:

– *Ты очень голоден?* – *Поел кое-что.*

– *Больно?* – *Я не **чувствую** ничего.*

Несмотря на это, дикторы отдают предпочтение в выборе главноударного элемента английского высказывания финальной лексической единице.

В отличие от предшествующих двух групп, позиция фразового ударения в которых определяется синтаксическим и семантическим факторами, третья группа типичных для русских дикторов ошибок состоит из предложений, расстановку фразовых акцентов в которых определяет

контекст. К таким случаям относятся, прежде всего, примеры, в которых соотношение «данное» – «новое» четко определяется структурой вопросно-ответного единства. Многие исследования подтверждают, что появление во фразе новой лексической единицы способствует ее выделению главным фразовым акцентом. Соответственно, информация, которая уже упоминалась и является известной собеседнику, не может выступать в качестве интонационного центра. В состав экспериментального материала вошли диалогические единства, характеризующиеся наличием в их составе синонимичных лексических элементов, например:

ЭВ: – *I thought you don't like tomatoes. – On the contrary, I love vegetables.*

ЭВ: – *Shall we walk together? – Yes, I like going on foot.*

Поскольку помидоры принадлежат к овощам, а выражение «going on foot» является синонимичным глаголу «walk», распределение фразовых акцентов, зарегистрированное в речи русских дикторов, является, по мнению auditors, ошибочным:

ОВ: – *On the contrary, I love **vegetables**.*

ОВ: – *Yes, I like going on **foot**.*

В ошибочное высказывание с интонационным центром на имени существительном *vegetables* привнесена идея контраста, в которой овощи противопоставляются чему-то еще. Такой акцентный рисунок, по мнению auditors, мог бы иметь место в случае иного контекстного окружения:

– *I thought you like fruit.*

– *On the contrary, I love **vegetables**.*

Во втором случае выделение главным фразовым акцентом финальной лексической единицы «foot» также может, по мнению auditors, иметь место, но в ином контексте:

– *Shall I give you a lift?*

– *No, thanks. I like going on **foot**.*

Сопоставление английских и русских эквивалентов по позиции глагольного слова не позволяет говорить о влиянии родного языка русских дикторов на локализацию интонационного центра в английской фразе:

– *Я думал, ты не любишь помидоры. – Наоборот, я **люблю** овощи.*

– *Пройдемся вместе? – Давай. Я **люблю** ходить пешком.*

Идентичность распределения фразовых ударений в обоих языках и в этом случае не способствует правильному выбору места интонационного центра русскими дикторами.

Последняя, четвертая группа, типичных отклонений в интонировании исследуемых фраз включает предложения с наречиями-

интенсификаторами или усилительными прилагательными в их составе. Данные лексические единицы сами по себе часто «притягивают» к себе главное ударение. Кроме того, их главноударность в составе экспериментального материала определена рамками вопроса-ответного единства, например:

ЭВ: – *He is lucky, isn't he? – He had an **incredible** piece of luck.*

Поскольку имя существительное *luck* является предсказуемым в рамках данного контекста, прилагательное *incredible*, по мнению аудиторов, – единственно возможный потенциальный носитель ядерного тона. Русский эквивалент в этом случае полностью совпадает с эталонным английским вариантом по позиции главноударного слова:

– *Ему везет, не так ли? – Ему **крупно** повезло.*

Несмотря на это, абсолютное большинство русских дикторов реализовали ненормативный вариант произнесения реплики-ответа с интонационным центром на существительном *luck*:

ОВ: – *He had an incredible piece of **luck**.*

Такой вариант произнесения признан аудиторами невозможным в данном контексте, однако он вполне уместен вне его рамок.

Еще один пример:

ЭВ: – *The bus looks good. – Yes, it's **very** comfortable.*

Прилагательные *good* и *comfortable*, по мнению аудиторов, в данном случае синонимичны, поскольку характеристика, данная автобусу при помощи прилагательного «хороший», предполагает его принадлежность к категории «удобный». Именно поэтому интенсификатор *very* является единственно возможным лексическим элементом для реализации на нем интонационного центра. Для русского языка характерны такие же отношения между членами высказывания:

– *Автобус на вид хорош. – Да, он **очень** удобный.*

Как и в примерах, приведенных выше, такое сходство не оказывает решающего влияния на локализацию интонационного центра в английской речи русских, реализующих ненормативные варианты со смещением интонационного центра вправо.

Итак, проведенное экспериментальное исследование позволило выявить типы высказываний, в которых абсолютное большинство дикторов допустило ошибки в выборе интонационного центра. К ним относятся «событийные предложения», фразы с финальным лексическим элементом, характеризующимся низким семантическим весом, а также высказывания, акцентную структуру которых определяют рамки предложенного контекста. Среди последних можно выделить фразы, содержащие синонимичные элементы, усилительные прилагательные

и наречия-интенсификаторы. Названные типы представляют значительную трудность для русских дикторов, несмотря на то, что расстановка в них фразовых акцентов совпадает с правилами выбора главноударного элемента в родной речи испытуемых.

Ненормативные смещения интонационного центра в рассматриваемом материале приводят, по мнению аудиторов, к тому, что говорящий звучит странно и нелепо в рамках предложенного контекста. Неоправданное акцентное выделение той или иной лексической единицы может привносить в ситуацию совершенно неуместную идею контраста. Несформированность навыка в локализации интонационного центра в неродной речи в этих типах фраз не может быть объяснена интерферирующим влиянием родного языка русских дикторов на интонирование ими английской речи. Употребление ошибочных вариантов может быть связано с неумением разграничить в предложении «данное» и «новое», а также незнанием русскоговорящими дикторами закономерностей интонирования «событийных» предложений и фраз, содержащих лексические элементы с низким семантическим весом. Дальнейшее изучение данной проблемы с привлечением дикторов, владеющих английским языком на разных уровнях, и увеличением количества исследуемого материала, будет способствовать совершенствованию методики обучения английскому языку в русской аудитории.

Библиографический список

1. Бунина Е.Е. Особенности просодической интерференции в ситуации искусственного триязычия (Экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
2. Вишневская Г.М. Интерференция и акцент (На материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
3. Вольская Н.Б. Интонационные ошибки русских студентов и их оценка носителями английского языка // Фонетическая интерференция: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв.ред. Г.М. Вишневская. Иваново, 1985. С. 50–58.
4. Кубланова М.М. Языковая интерференция на уровне интонации (На материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
5. Лебедева А.А. Особенности фразовой акцентуации английского языка в сопоставлении с русским языком в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
6. Мазина Л.З. Методика обучения студентов-иностранцев интонации русского языка (начальный этап контакта испанского языка с русским): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1984.
7. Wells J. English Intonation: an Introduction. Cambridge, 2006.

О.А. Плахова

Свойства лексем-номинантов концептов, составляющих английскую мифологическую концептосферу (на материале сказочного дискурса)

В работе описаны свойства мифолексем, репрезентирующих концепты английской мифологической концептосферы. Мифолексемы характеризуются рядом сходных признаков, инвариантных по отношению к языку и детерминированных онтологическими свойствами конструкторов мифологического сознания. Номинациям мифологических персонажей в английском языке свойственно также наличие в их семантической структуре ярко выраженного ценностного компонента и их использование как средств номинации других групп сверхъестественных существ.

Ключевые слова: мифологический концепт, когнитивный признак, мифолексема, семантический признак, мифологическая концептосфера, сказочный дискурс.

Английская мифологическая концептосфера как одна из значимых составляющих национального сознания получает яркую репрезентацию в сказочном дискурсе вследствие наличия у фольклорных произведений, относящихся к его центральной (волшебная сказка) и периферийной (легенды, были) областям, такого параметра категории сказочности, как чудо (волшебство¹). Элементы мифологической концептосферы – мифологические концепты – номинируются в языковой картине мира особым классом слов – мифолексемами.

Номинации мифологических существ в рамках мифологической концептосферы отличаются особыми характеристиками, позволяющими условно отнести их к классу терминологической лексики. К ним прежде всего относятся системность, наличие дефиниции, моносемантичность, отсутствие у ряда лексических единиц (ЛЕ) экспрессивности. С.А. Питина упоминает также их вариативность, широкую диалектальную репрезентативность, способность к субституированию и, как следствие, наличие эвфемистических синонимов [5, с. 48–49]. Ономастический подход к изучению мифолексем позволил выявить целый ряд специфических

¹ В рамках проводимого нами исследования видится целесообразным ограничить номенклатуру входящих в сказочный дискурс произведений текстами народного творчества, удовлетворяющими параметрам категории сказочности.

свойств, обусловленных отсутствием объективно существующего денотата у данного класса ЛЕ [7, с. 108–111].

1. Множественность номинаций одного денотата в связи с неустойчивостью отношений «означаемое – знак».

2. Гипертрофированную роль образа в формировании понятия, что коррелирует с утверждениями о множественности образных когнитивных признаков у мифологического концепта.

3. Наличие у номинаций сверхъестественных существ всех основных функций слова: номинативной, коммуникативной, сигнификативной (хотя и ослабленной), а также гипертрофированных прагматической функции и функций экспрессивного выражения и эмоционального воздействия. В.И. Шаховский относит также к функциям мифолексем функцию абстрагирования, т.е. выделение общих и тождественных признаков существ [8, с. 74]. Обобщению и абстрагированию подвергается в своем историческом развитии и мифологическая образность в соответствии с изменениями общества и его потребностей [3, с. 60].

4. Минимальный потенциал семантического варьирования, приближающий их к терминам.

5. Минимальную способность к семантическому распространению содержания в синтагматическом ряду. Распространение может осуществляться за счет уточнения локальной характеристики и индивидуализации персонажа (например, за счет имен собственных).

6. Сдвиги в отношении категории одушевленности / неодушевленности, лица / неллица.

Перечисленные характеристики мифолексем были выделены в ходе анализа мифологического материала русского языка, однако, вероятно, они обладают всеобъемлющим характером в силу универсальности мифологического мышления, продукт деятельности которого кодируют, и легко наблюдаемы на материале английских фольклорных источников, хотя и находят выражение в несколько иной культурно-маркированной форме. Рассмотрим некоторые из свойств мифолексем на примере репрезентантов мифологических концептов, отобранных из англоязычного сказочного дискурса.

Множественность номинаций одного денотата. Анализируя явление множественности наименования одного мифологического объекта, О.А. Черепанова выдвигает несколько причин: 1) природа объекта; 2) табуирование; 3) особая социо-психологическая значимость мифологического представления; 4) функционально-стилистические параметры наименований; 5) исторические напластования; 6) региональное варьирование наименований; 7) число наименований прямо пропорционально «популярности» объекта [7, с. 112–113].

Наиболее показательным в плане множественности номинаций одного денотата видится концепт «фейри», который получает детальнейшую языковую репрезентацию в англоязычном сказочном дискурсе. В ходе исследования выделено 1050 словоупотреблений номинаций фейри, представленных именами нарицательными и собственными, и 1230 единиц денотематического, пропозематического и диктематического уровней, репрезентирующих разные стороны исследуемого концепта. Ключевыми репрезентантами концепта являются существительные *fairy, elf, pixy / pixie*, которые вместе с их стилистическими синонимами *pharises, ferlies, fary, feeorin, fairisees, fay, fey* составляют 37,7% от общего количества словоупотреблений. В синонимический ряд с доминантой *fairy* входят лексемы, относящиеся как к высокому (*fay* и *faerie*), так и к сниженному стилистическому регистру (*fary, fairisees / pharises* и *feeorin*), представляя в последнем случае результат диалектального варьирования.

В качестве репрезентантов мифоконцептов могут выступать не только собственно мифологическая лексика, но и номинации, не являющиеся специфическими для мифоконцептов и представляющие собой перенос сугубо человеческих способов именования на существ вымышленной действительности. Мы полагаем, что наблюдения за проецированием собственно человеческих способов именаречения на референтов виртуального континуума позволяют обнаружить содержательные характеристики исследуемого концепта, которые остаются за рамками словарных дефиниций. Соответственно, анализ иллюстративного материала существенно расширяет синонимический ряд с доминантой *fairy* за счет включения в него следующих регулярных и окказиональных номинаций фейри, используемых в текстах сказок и легенд: *attendant, (elfin) babe, (fairy) baby, baby sprite, bantling, barn fairies, bearer, being, bride, captive, (elfin / fairy) changeling, child, conductor, courtier, creature, crew, cup-bearer, (fairy) customer, daddy, dame, dancer, daughter, dependant, devilkin, dwarf, elf son, elf-folk, elf-mother, elfin train, elfin youth, enemy, executioner, fairy court, faerie captor, fairy folk, fairy godmother, fairy man, fairy-child / fairychild, fairyland, fairy-mother, female, figure, foe, (pixy) friend, gentle folks, girl, giver, good folk, good people, guest, guide, helper, helpmate, hill folk, hyter sprites, imp, (elfin / fairy) king, knight, labourer, lady, chep, rascal, fellow / feller, little folk(s), gentleman, lad, (fairy) man / monny, little people, thing, (fairy) monarch, monster, mother, musician, neighbour, new-comer, object, person, personage, phantom, relative, (fairy) queen, servant, singer, spectre, spinster, spirit, spouse, subject, suppliant, thief, these things, tiny folks, troop, visible people, vision, visitant, visitor, woman*. Актуализация признаков концепта «фейри» осуществляется также путем индивидуализации мифологических существ средствами

номинации. К именам собственным относится чуть более трети всех именований фейри (36,2%), включая композиты и словосочетания, подавляющее большинство из которых (89,7%) являются отапельлятивными образованиями с прозрачным или затемненным мотивирующим признаком.

Гипертрофированная роль образа в формировании понятия. Образные характеристики концептов английской мифологической концептосферы получают отчетливую манифестацию во внутренней форме репрезентирующих их лексем. Так, в основе номинаций концепта «дракон» лежат признаки, связанные с особенностями внешнего облика и характера передвижения ирреальных существ данной группы. ЛЕ *worm* с исходным значением «змея» (ср. существительные с тождественным значением в других германских языках G *wurm*, Dutch *worm*, Dan *orm*, Sw *orm*, *snake*) возводится этимологами к и.-е. **wrmi-*, **wrmo-* (> L *vermis*) как производному от основы **wer-*, *turn*, *twist* [9, с. 577], обозначающей особый способ передвижения по поверхности всем телом без помощи ног, характерный для пресмыкающихся. Лексема *dragon* сохраняет в своей структуре признак зоркого, всевидящего взгляда дракона, его глаз, наводящих на человека панический ужас, что коррелирует с мифологическими представлениями о драконах как неусыпных стражах сокровищ: cf. Gr *drakōn*, *dragon*, *huge serpent*, so named because of its quickglancing, terrible eyes; Gr *drakein*, *derkesthai*, to glance or look, and *drakos*, eye – cf the syn OIr *derc*; IE **derk-*, with metathesis **drek-*, var *drak-*, to look or glance [14, с. 874].

Наличие у номинаций сверхъестественных существ всех основных функций слова. Поскольку прагматическая функция мифолексем «представлена в гипертрофированном виде» [7, с. 109], рассмотрим ее реализацию (зачастую в сочетании с функцией эмоционального воздействия) посредством номинаций мифологических концептов «фейри», «богарт» и «баргест». Данная функция у номинантов мифологических концептов в англоязычном сказочном дискурсе несколько ослаблена. Это проявляется прежде всего в том, что номинации концептов «фейри», «богарт» и «баргест», характеризующие поведение сверхъестественных существ по отношению к людям, характер межличностных отношений и их прагматические роли в определенных ситуациях, занимают незначительное место в общей системе номинаций данных концептов (5,5%, 5,1% и 5,3% соответственно). Данные номинации характеризуют отношения мифологических существ с человеком. Они распадаются на пары в зависимости от прагматической ситуации и ролей участников: «заказчик» (*customer*) – «исполнитель»; «просящий» (*suppliant*) – «дающий» (*giver*); «нуждающийся в помощи» (*dependant*) – «помогающий» (*helpmate*, *helper*); «пленник» (*captive*) – «взявший в плен» (*captor*); «путник» – «проводжатый /

попутчик» (*conductor, guide, companion*); «гость» (*visitor, new-comer, visitor, guest, intruder*) – «хозяин».

Анализ сказочного дискурса демонстрирует, что почти во всех смоделированных (посредством обращения к семантике номинаций) прагматических ситуациях фейри выступают в качестве стороны, инициирующей (вольно или невольно, намеренно или случайно) механизм взаимодействия, а также выступают в качестве стороны, удовлетворяющей потребности партнера. Номинации боггарта и баргеста характеризуются более ограниченным прагматическим потенциалом, поскольку релевантны преимущественно для двух последних видов прагматических ситуаций. Вместе с тем лексема *tormentor* как устойчивая номинация данных существ репрезентирует еще один, специфический для них, вид взаимоотношений с человеком «мучитель» – «подвергаемый мучениям», в которых роль жертвы отводится человеку. Ситуации отношений данных сверхъестественных существ (фейри, боггарта, баргеста) и человека могут быть также охарактеризованы с позиции получаемого в результате взаимодействия эффекта. В зависимости от благотворного или вредоносного влияния их номинации организуют оппозицию «враг» (*foe, enemy, fiend*) vs «друг» (*friend, pixy friend, lad, chep, fellow / feller*). Левый член оппозиции представлен также лексемами с более конкретным значением *Rogue, the Rogue Splug, rascal, Ambassador of Death*. В качестве конкретизирующих элементов именований мифологических персонажей могут выступать эпитеты *evil, bad, wicked, diabolic, good, hyter*.

Сдвиги в отношении категории одушевленности / неодушевленности, лица / неллица. Средства вербализации концепта «фейри» наиболее ярко демонстрируют случаи акцентуации гендерного признака мифоконцепта и нейтрализацию признака одушевленности. Например, нейтральная в гендерном отношении ЛЕ *baby* замещается в ближайшем окружении местоимением *he* (a); активация гендерного признака в лексемах *pixy* и *fairy* также осуществляется за счет их соотносительности с притяжательным местоимением *her* (b):

a) *The **baby** liked the nuts and crawled off after them, gurgling with delight, and **he** dropped the little stick* [12, с. 112];

b) *The **Pixy** returned, and put them on; when, clapping **her** tiny hands, she was heard to exclaim: Pixy spin, Pixy gay, / Pixy now will run away; / and off she went* [15, с. 152]; *...the **fairy** who'd had a dose of rock salt in her buttocks saw something coming the other way* [4, с. 147].

В следующем примере соотносительность существительных *figure* в значении «личность, фигура» и *dwarf* с местоимениями *itself* и *its* объясняется неспособностью рассказчика мгновенно идентифицировать фейри как

разумное антропоморфное существо, что и сделало в данном контексте гендерный признак нерелевантным. Постепенное осознание того, что представляет собой существо, позволило наделить его гендерными характеристиками, аналогичными человеческим, эксплицированными в местоимениях *he* и *his*: *Turning round somewhat drowsily, he beheld a little figure of about a span high, clad in green, and wearing a dainty red cap, struggling along under the load of a flat-topped mushroom much larger than itself. After having more than once fallen with its load, the dwarf cried out in a sweet, faint voice, 'Dewdrop, Dewdrop!'* [10, с. 142–143]. Далее: *Moonbeam then took from his pocket a butterfly's wing, which served him as a handkerchief, and wiping his forehead as he spoke, he said...* [Там же, с. 143–144].

Минимальная способность к семантическому распространению содержания в синтагматическом ряду. Особенности семантического распространения содержания во многом связаны с мотивирующим признаком, лежащим в основе номинации. К их числу О.А. Черепанова относит место обитания или сферу патронажа; функции персонажа; внешний облик; время появления и функционирования персонажа; место персонажа в мифологическом мироустройстве миропорядка; форму восприятия персонажа человеком; выражение эмоционального отношения человека к мифологическому персонажу [7, с. 120–138].

В ходе анализа средств вербализации мифологических концептов были выявлены основные мотивирующие признаки, зафиксированные языковыми средствами английской сказочной картины мира [6, с. 79–82]. Признаки, формирующие внутреннюю форму мифологического имени, отражают биологическую или социальную природу денотата вымышленной реальности. Среди признаков биологического характера, лежащих в основе именования сверхъестественных существ, следует отметить место обитания (*barn fairies, the Fairies of the Downs and Commons, the Fairies of the Wood, Wood-Fairies, the Fairies of the Torrent, the Fairies of the Waterfall, the Barghest of Grassington, the Giant of St. Michael's, the Headless Nun of Watton, the White Lady of Blenkinsopp*), внешний вид (*manikin, little people, small people, Yallery Brown, Green Lady, brownie, Redcap*), происхождение, биологический пол, возраст, физиологическое и психическое состояние (*mermaid, watter-wife, sea-woman, merrymaid, merryman, fairy-child, baby, fairy-mother, elf-mother, Jasmine*). К признакам социального характера следует отнести, прежде всего, личностные качества и особенности их проявления по отношению к людям (*hyter sprites, the Good Folk, evil spirit, the Evil Things, the Evil One, the Bad Fairies*), а также социальный статус мифологического существа среди себе подобных (*the Queen of the Elves, the Queen of the Fairies, the King of the Elves, the King*

of Faerie, the King of the Bad Fairies, the Emperor of the Cockatoos). Признак, представляющий собой функциональную характеристику мифологических персонажей, обладает двойственной, социально-биологической природой: биологические признаки проявляются в актуализации в имени персонажа его поведенческих особенностей (*merrymaid, will-o'-the-wisp, Jacky-my-Lantern, Jack-o'-Lantern, Will-o-th'-wyke, bogle, bogie, boogie, Boggart, the Bogey-Beast*); социальные характеристики сверхъестественных существ реализованы в идентификации их профессиональных навыков и умений (*Habetrot, Tom Tit Tot*).

Таким образом, во внутренней форме мифологических имен закреплены разнообразные признаки, преимущественно биологического характера. Социально обусловленные признаки закреплены в сравнительно небольшом числе мифологических имен и эксплицируются ограниченным набором лексических единиц (оценочными прилагательными достаточно широкой семантики и субстантивными обозначениями высокого общественного положения). Данный факт может быть объяснен особенностями архаического мышления человека, одушевлявшего мир флоры и фауны, природные явления и неподвластные силы природы. Фиксация в семантической структуре именования сверхъестественных существ социально значимых признаков обусловлена антропоморфной организацией общественного уклада мифологических персонажей, приписываемого им коллективным сознанием.

На основе анализа особенностей дискурсивного употребления мифолексемы представляется целесообразным выделить двух дополнительных признаков номинаций мифологических существ в английском языке: наличие в их семантической структуре ярко выраженного ценностного компонента и их использование для номинации разных групп сверхъестественных персонажей.

Наличие в семантической структуре ярко выраженного ценностного компонента. Аксиологический компонент значения мифолексемы имеет прямую корреляцию с ценностным аспектом соответствующего мифоконцепта. Оценочность может быть заложена во внутренней форме слова и эксплицироваться в ходе этимологического или компонентного анализа номинации. Так, этимология существительного *faery* восходит к лат. *fatum* «рок», «предопределение», «судьба» (ср. It. *fatate*, to charm as witches do, to bewitch; *fata*, a fairy, witch. – Fl. Sp. *hado*, fate, destiny; *hada*, one of the fates, witch, fortune-teller; *hadar*, to divine. Fr. *fée*, fatal, appointed, destined, enchanted; *fée*, a fairy (*féerie*, witchery); par *féerie*, fatally, by destiny [19, с. 247]), которое во мн.ч. *fāta* использовалось для обозначения персонифицированных божеств, управляющих судьбой человека [9, с. 217;

13, с. 61]. В римской мифологии такими богинями судьбы были парки и фаты, в греческой – мойры, в скандинавской – норны. В английском сказочном дискурсе данный когнитивный признак коррелирует с «оказывающий покровительство», приобретая положительную аксиологическую оценку и реализуясь в языковых единицах разных уровней со значениями «предсказание будущего», «наречение имени», «принесение даров», «наложение заклинаний-оберегов».

Этимологические словари и энциклопедии регистрируют противоречивые в аксиологическом отношении мотивирующие признаки существительного *elf*: «простой» (M.E. *elf*. A.S. *ælf*. + Icel. *álfr*, Dan. Swed. *alf*, G. *elf*. <...> *oaf*, a simpleton. <...> *Chaucer uses elvish in the sense of 'simple'* [16, с. 140]); «белый, сверкающий» (*alfr* (elf) < Indo-European **albh* (cf. the Latin *albus*) [11, с. 294]); «живущий в горах» (OHG *alp*, originally probably a spirit or demon of the mountains, from Celtic *alp*, *ailp*, mountain [18, с. 240]); «внушающий страх, пугающий» (ME. *elf*, *Chaucer*, C.T. 6455 (D 873). AS. *alf*, *Grein*, i.56. + Icel. *álfr*; Dan. *alf*; Swed. *alf*; OHG. *alp*; G. *elf*, also *alp*, a. *nightmare*, *incubus* [17, с. 190]); «дух, стихия, элементал» [2, с. 234]. Признак «простой», лежащий в основе именования, соотносим с признаком «дух, элементал» и мыслится как «неразложимый, элементарный», репрезентируя представления об эльфах как о природных духах, духах стихий – элементов мироздания. Положительный в ценностном отношении признак «белый, сверкающий» указывает на статус сверхъестественных существ в скандинавской мифологической системе: германо-скандинавские альвы мыслились не столько как природные духи, сколько как существа, своими достоинствами и положением уступающие только богам [11, с. 293–294]. Признак «внушающий страх, пугающий» маркируется мифологическим сознанием как отрицательный и характеризует одну из функциональных особенностей фейри. Дальнейшее исследование семантики мифолексем свидетельствует о том, что данный признак наряду с «потусторонний, сверхъестественный» и «вредоносный» выступает в качестве определяющего при характеристике функционально-прагматического аспекта отношений между мифологическими существами и человеком.

Вопрос детерминированности общей аксиологической оценки составной мифолексемы содержанием коннотативного компонента ее элементов требует более детального изучения, однако даже рассмотренные выше отдельные примеры коннотативно окрашенных лексем-номинантов мифоконцепта позволяют сделать вывод о неоднозначности ценностной информации, аккумулированной в семантике слова, которая отражает неоднозначность отношения коллективного сознания к представителям волшебного мира и возможностям взаимодействия с ними.

Функционирование в качестве номинантов разных мифоконцептов. Для мифолексем характерно их дискурсивное употребление как в качестве ключевых репрезентантов собственного мифоконцепта, так и других мифологических концептов. Количество ключевых лексем-номинантов собственного мифоконцепта может варьировать, однако в подавляющем большинстве случаев частотность их употребления в сказочных текстах превалирует над случаями употребления в качестве средств номинации базовых лексем других концептов. Например, ключевая номинация мифоконцепта «богарт» *boggart* в 65,14% случаев используется для номинации собственного концепта и в 14,29% случаев – для номинации других концептов; для ключевых номинаций мифоконцепта «великан» (*giant, ogre*) подобное соотношение имеет вид 76,51% – 0,37%; для номинаций концепта «гном» (*dwarf*) – 59,18% – 12,25%.

Обращение к сказочному дискурсу позволяет проиллюстрировать способность базовых номинаций мифоконцептов отражать сложные межконцептные связи внутри мифологической концептосферы. В частности, системные связи концепта «фейри» наиболее прозрачны в следующих номинативных средствах: близость фейри к бесплотным духам и призракам реализована в лексемах *spirit, spectre, vision, phantom, the Phantom of the Fells*; представления об их демонической природе, обусловленные влиянием христианской религии, находят отражение в ЛЕ *devilkin, imp*; производимое ими устрашающее впечатление манифестировано в лексемах *monster, bogle*.

В отдельных случаях манифестация концепта происходит лишь за счет собственных лексических средств («богл», «дьявол», «левиафан», «русалка»), что объясняется либо слабыми межконцептными связями, как, например, у концепта «левиафан» вследствие чужеродности номинируемого референта системе английских мифологических персонажей, либо центральным положением мифоконцепта в концептосфере, делающим необходимость его вербализации «сторонними» средствами излишней (как в случае с концептом «дьявол», который обладает набором прототипических когнитивных признаков и связан с другими концептами в мифологической концептосфере центростремительными связями). Для концепта «гоблин», наоборот, вообще нехарактерно обозначение посредством собственных ключевых номинаций (ЛЕ *goblin*); вместо этого наблюдается тенденция идентификации виртуального референта преимущественно при помощи номинантов концептов «призрак» и «дьявол» (*impet, imp, demon, spectre, ghost*), что акцентирует внимание реципиента на демонической природе существа и демонстрируют случаи замещения ключевой номинации *goblin* лексемами разной степени абстрактности / конкретности: *that*,

creature, thing vs Tom Tit Tot, Yallery Brown, the Hobyahs. Однако в данном случае речь идет не о норме, а скорее об исключении из правила.

Таким образом, мифолексемы, репрезентирующие концепты английской мифологической концептосферы, характеризуются рядом сходных признаков, инвариантных по отношению к языку (хотя и получающих в разных языках различное формальное оформление) и детерминированных онтологическими свойствами конструкторов мифологического сознания. К важнейшим характеристикам мифолексем относятся множественные номинации одного денотата вымышленной реальности; доминирование в семантической структуре лексем-репрезентантов мифоконцепта семантических признаков, соотносимых с образной составляющей последнего; наличие мотивирующих признаков, отражающих биологическую и социальную ипостаси виртуального референта; наличие в семантической структуре мифолексем ярко выраженного ценностного компонента и их функционирование в качестве номинантов разных мифоконцептов. Способ номинации мифоконцепта и признак внутренней формы воспроизводят основные модели отношений вымышленного существа с миром природы и миром людей, закрепленные в структурах национального мифологического сознания. Триада «мифологическое существо» – «человек» – «природа», вербализуемая элементами языковой картины мира, по сути представляет упрощенный статичный вариант мифологического мировосприятия (в диахронической модели прошедшего ступени развития от «первопредок – род – природа» до «бог – я – чужой» [1, с. 83–90]) и на когнитивном уровне – сложную систему отношений внутри и между концептами, фиксируемую в структуре мифологических концептов.

Библиографический список

1. Боброва С.П. Мифологическое сознание (Методологические проблемы исследования семиотического компонента): Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1997.
2. Мифология Британских островов: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. К.М. Королева. М.; СПб., 2003.
3. Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX – начало XXI вв. М., 2004.
4. Народные сказки Британских островов. Сб. / Сост. Дж. Риордан. М., 1987.
5. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2002.
6. Плахова О.А. Признаки, лежащие в основе именования сверхъестественных существ // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж, 2006. Вып. 6. С. 78–83.

7. Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983.
8. Шаховский В.И. Семантические особенности мифолексем как разряда экспрессивной лексики // Лексическая и грамматическая семантика: Межвуз. сб. научных трудов. Новосибирск, 1986.
9. Ayto J. Dictionary of Word Origin. London, 2001.
10. Bowker J. Goblin Tales of Lancashire. London, 1883.
11. The Greenwood Encyclopedia of Folktales and Fairytales. Volumes 1–3. London, 2008.
12. Keding D., Douglas A. English Folktales. London, 2005.
13. Lurker M. The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons. London; New York, 2004.
14. Partridge E. Origins: A Short Etymological Dictionary of Modern English. London, 2006.
15. Rhys E. Fairy Gold: A Book of Old English Fairy Tales. London, 2008.
16. Skeat W.W. The Concise Dictionary of English Etymology. London, 2007.
17. Skeat W.W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1963.
18. Webster N. A Dictionary of the English Language, Explanatory, Pronouncing, Etymological and Synonymous, with a Copious Appendix. Springfield, 1872.
19. Wedgwood H. A Dictionary of English Etymology. London, 1872.

М.С. Романова

Трансформация диалога в компьютерно-опосредованной коммуникационной среде

Появление и распространение новых технологий открыли новые возможности коммуникативного взаимодействия. В статье характеризуются черты компьютерно-опосредованного диалога в чате в сравнении с контактным устным диалогом.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, чат, диалог.

Технический прогресс предлагает человечеству иные каналы взаимодействия, тем самым порождая и новые формы осуществления общения.

Значимое место в жизни современного общества в этой связи заняла глобальная сеть Интернет. Созданная первоначально как огромное единое информационное пространство, она за время своего существования стала важной платформой для коммуникативного взаимодействия.

В последнее время даже в трактовке термина «Интернет» можно зафиксировать преобладание акцента не на информативность, а на его значимость как средства массовой коммуникации. В одной из актуальных работ, посвященных коммуникативным процессам в современном обществе, Л.Г. Антонова определяет Интернет как глобальную социально-коммуникационную компьютерную сеть, предназначенную для удовлетворения личностных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий [1, с. 30].

В связи с этим в современной лингвистике существуют потребность в описании компьютерно-опосредованной коммуникации, необходимость изучения лингвистических особенностей виртуального коммуникативного пространства и его отдельных жанров.

К популярным жанрам Интернета, имеющим фатическую функцию, т. е. направленным на удовлетворение потребности в общении, относится чат (от англ. *to chat* – болтать) – синхронная компьютерная письменная коммуникация, обмен текстовыми сообщениями в режиме реального времени. В отличие от других новых средств массовой коммуникации, чат впервые сделал возможным синхронное письменное общение. В связи с этим взаимодействие в чате происходит в условиях качественно новой коммуникативной ситуации.

Коммуникативно-речевые признаки чата как жанра уникальны: письменная реализация, спонтанный неподготовленный характер общения, диалогическая форма, отсутствие акустического и визуального контакта при коммуникации (исключение составляют голосовые и видеочаты, но они реализуются, как правило, в ситуации, когда участники знакомы или цель общения информативная), равноправие партнеров по коммуникации, неформальность общения.

К основным принципам виртуального общения в чате относится принцип диалогичности. Из-за синхронности и неформальности общения, смены иницилирующих и реагирующих реплик чаты и форумы напоминают диалог. Так, например, А. Шторпер определяет чаты как «*getippte Gespräche*» [5, с. 439]. С. Куукканен, считая чат одной из форм устно-разговорного языка, приводит следующие характеристики, большинство из которых присущи непосредственному речевому взаимодействию: а) личностный характер диалогов; б) доверительность отношений между участниками; в) включенность в ситуацию; г) референциальность; д) временная близость;

е) относительно интенсивная кооперация участников; ж) диалогизированность; з) спонтанность; и) свободное развитие темы; к) неформальный характер коммуникации; л) географическая удаленность участников [4].

Однако конструирование диалога, способы его организации посредством электронного канала общения с письменной фиксацией отличаются от диалога при непосредственной контактной коммуникации.

Традиционно диалог понимается как совокупность высказываний, которая характеризуется связностью, цельностью и заданностью определенной тематики. В отличие от диалога при непосредственном контакте, для построения и развития диалога в чате когерентность и логичность не являются необходимым условием.

На экране диалог в чате выглядит как нагромождение несвязных реплик, они появляются в соответствии со временем поступления сообщения. В реальном общении такая одновременность невозможна, она противоречит обычной логике, предшествующее и последующее сообщения должны быть связаны друг с другом, объединены общей темой.

Одна из особенностей организации коммуникативного взаимодействия в чатах состоит в возможности параллельного ведения нескольких диалогов и развития нескольких тем, а также их быстрой смены. Участник чата следит за одновременно развивающимися диалогами и может подключаться к любому из них. Кроме того, для чата обычны такие коммуникативные тактики, как флуд, флейм, троллинг – провоцирующие, иногда абсурдные сообщения, не связанные с предшествующим контекстом. Участники чат-коммуникации видят перед собой упорядоченную по времени появления на экране, а не по логике обычного диалога, последовательность реплик. В германской лингвистике это получило название «Mühlen-Prinzip» – «принцип мельницы» [5]. Такая одновременность невозможна в реальном общении и противоречит его обычной логике.

Рассмотрим следующий отрывок из чата (орфография и пунктуация полностью сохранены):

squarehase: *huhu knuddels – fröhliche weihnachten*

GrossesLuder: [zu squarehase] *ich bin soo müd*

squarehase: [zu GrossesLuder] *vom essen gg*

-Basma-: [zu squarehase] *hihi dir auch :)*

squarehase: *ich auch-proppevoll*

GrossesLuder: [zu squarehase] *von allem*

squarehase: *hm hilft nur sport*

GrossesLuder: [zu squarehase] *krummbucklige Verwandtschaft war da lach*

knalltüte: [zu Cindy11] *was is los bei dir*

squarehase: [zu GrossesLuder] *äähh*

GrossesLuder: [zu squarehase] *habich gerade gemacht Situps usw*
 squarehase: [zu GrossesLuder] *na ich net*
 squarehase: *ich anderen sport vorhab heut*
 Cindy11: [zu knalltüte] *was jetzt??*
 GrossesLuder: [zu squarehase] *hö ? meine Geschwister war wieder super lustig*
 squarehase: *naacher*
 GrossesLuder: [zu squarehase] *na toll den hab ich ja nicht*
 knalltüte: [zu Cindy11] *ja magst chatten mit mir*
 squarehase: [zu GrossesLuder] *abetr iiich*
 GrossesLuder: [zu squarehase] *Sport ist Mord sfg*
 knalltüte: [zu Cindy11] *komm raumbremen*
 squarehase: *laach*
 squarehase: [zu GrossesLuder] *du kriegst auch noch deinen sport*
 alleine: [zu GrossesLuder] *kannst mit mir sport machen*

Пользователь под псевдонимом squarehase пытается завязать диалог, он поздравляет всех присутствующих в чате с Рождеством, его приветствие находит отклик у участника GrossesLuder и у пользователя -Basma-, но диалог завязывается только с первым, и далее к нему пытаются присоединиться другие коммуниканты (alleine), поддерживавшие развитие подтемы, что после обильной рождественской еды неплохо бы позаниматься спортом. В приведенном отрывке из чата можно отследить и другой диалог – между пользователями knalltüte и Cindy11. Участник под псевдонимом knalltüte, очевидно, пытается завязать знакомство с Cindy11.

Как видно из приведенного примера, происходит параллельное развитие нескольких диалогов, определение связности, когерентности текста затруднено. Л.Ю. Щипицина говорит в данном случае о «дистантных внутритекстовых связях» [3, с. 57]. Для новичков чат представляет собой набор несвязных реплик с плохо прослеживающейся темой. Протокол чата, его реализация и фиксирование в письменном виде позволяют вычлени диалоги внутри него и их тематическое развитие. Участие в чате требует от адресанта специальных навыков: умения концентрироваться и быстро реагировать на реплики.

Синхронный характер коммуникации с помощью Интернета предопределяет незакрепленную очередность реплик принимающих участие в общении. В устной речи собеседник может предугадать, когда возможно или требуется ответное высказывание, перерыв до следующего вступления в диалог, как правило, определяется репликой партнера. В чате коммуниканты свободны в создании и отправке своих реплик в любой момент. Техническая специфика чата обуславливает возможность начать оформление следующего высказывания, не дожидаясь ответа собеседников.

Одним из важных признаков диалогической речи, как известно, является принцип ее построения как цепи стимулов и реакций, т.е. каждое высказывание является некоторой акцией, вызывающей и обуславливающей реплику-реакцию. Поэтому основной единицей диалога считается диалогическое единство, рассматриваемое как две реплики, связанные семантически и структурно. Особенностью организации диалогического взаимодействия в чате является то, что удаленность партнера по коммуникации, его виртуальность позволяют игнорировать реплики, на которые получатели сообщений не желают отвечать. Высказывания адресантов могут быть оставлены без ответа, и, в отличие от вербального общения, такая ситуация не воспринимается в чате как нарушение речевого этикета. Это вынуждает писать как можно больше высказываний одно за другим, увеличивая шансы получить на какое-то из них ответную реакцию.

То же самое можно сказать и о контактоустанавливающих и контакто-размыкающих репликах, таких как приветствия и прощания: они не являются обязательным условием конструирования диалогов в виртуальной коммуникации и могут отсутствовать при вступлении в контакт и по его завершению.

Структурировать диалог традиционно помогают обращения. В целом для чата характерны сниженные требования в этикетности, и, как показал анализ практического материала, в нем предпочитают неформальную форму обращения на «ты», что служит для сокращения социальной дистанции между коммуникантами, способствует установлению особых отношений.

Что касается обращенности высказываний в компьютерно-опосредованной коммуникации, анализ практического материала показал, что при создании реплики в чате адресант выбирает между направленностью на индивидуального адресата с обращением к конкретному собеседнику с указанием его псевдонима или на коллективного адресата, употребляя собирательное обращение или не используя никакого, адресуя высказывание любому участнику чата.

Указание на конкретного адресата реализуется двумя способами: набором его имени или вариаций (например, сокращения) в тексте сообщения в качестве обращения (Berliner38nett: *hallo zurück @corr* – участник Berliner38nett обращается к участнику @corr); или оно создается с использованием специальной функции выбора из псевдонимов присутствующих в чате, в этом случае в начале реплики автоматически указывается ник того, кому адресовано высказывание, и псевдоним появляется в скобках перед высказыванием адресанта (например: Hans-Jürgen 1972: [zu Corinne] *hallo du*).

С помощью указания псевдонима участника чата, которому адресуется сообщение, создается когерентность текста, что структурирует диалог,

облегчает его понимание. С этой точки зрения любопытен зафиксированный нами диалог (вычленен из общего текста чата), в котором, вероятно, неопытный пользователь sanne39 сначала обращается к Soulhunter в самой чатовой реплике сокращенной формой псевдонима «soul», аналогично устному диалогу. В ответ он(а) получает рекомендацию, как можно адресовать высказывание автоматически, с комментарием, что так диалог становится более обозримым:

Soulhunter: [zu sanne39] *hallo su alles klar*

sanne39: *danke soweit ja soul*

Soulhunter: [zu sanne39] *wenn du des @-zeichen vor einem nick in der userliste anklickst sprichst du den direkt an .. nur als tip :-)*

sanne39: [zu Soulhunter] *so??*

Soulhunter: [zu sanne39] *supi so wird es übersichtlicher*

sanne39: [zu Soulhunter] *na danke für den tip;-)*

Обращенность реплик является общей чертой традиционного устного и письменного чат-диалога. Однако следует отметить, что в чате она носит неличный характер, т.к. любое высказывание, даже обращенное к определенному собеседнику, является общедоступным: на любую, даже адресованную реплику, может ответить любой присутствующий в чате. Так, Н.Г. Асмус отмечает, что «при виртуальной коммуникации тексты межличностного общения, т.е. по своей природе адресованные определенному лицу, становятся публичными (т.е. адресованы широкой публике) в результате изменения характера их воспроизведения» [2, с. 26–27].

Специфика компьютерно-опосредованной коммуникации проявляется и в том, что письменный канал общения и техническая реализация исключают такие разговорные практики, как прерывание или наложение речи одного партнера на речь другого, хотя данная особенность не представляется особенно важной.

Другую особенность чата обусловила дистантность собеседников: отсутствие визуальных и аудитивных проявлений, сопровождающих устный диалог – интонации, громкости голоса, мимики и жестов. В связи с этим к чату применимо такое понятие, как «затрудненная эмоциональность». Традиционная письменная коммуникация практически не располагает средствами для передачи невербальной информации, дополняющей то содержание, которое уже выражено лексическими средствами. Однако неформальный характер взаимодействия требует дополнительно сообщить то, что можно передать при непосредственном контактном общении. Поэтому данный жанр развил целую систему собственных средств для компенсации фоновых эмоциональных и акциональных составляющих. Это специальные знаковые, графические и пунктуационные

средства (смайлики, редупликация букв, специфичное использование прописных букв и жирного шрифта), а также введение специальной технической функции для того, чтобы прописать свое действие.

Таким образом, компьютерно-опосредованный синхронный диалог обладает своей спецификой по сравнению с диалогом при непосредственном устном общении. Анализ практического материала позволил выделить следующие особенности организации диалога в чате.

1. В чате ведется письменный спонтанный неформальный дистанционный диалог.

2. Специфической чертой чатов в сравнении с устным диалоговым взаимодействием является возможность параллельного ведения нескольких диалогов и развития нескольких тем, вследствие чего такой показатель, как когерентность текста, не так значим для синхронного виртуального общения.

3. По сравнению с устным диалогом для чата характерна незакрепленная очередность реплик, принимающих участие в общении. Маркеры смены речевого субъекта в устной речи не могут быть реализованы, передача роли говорящего происходит по завершении реплики и ее выводу на экран. Оформление следующего высказывания коммуникант также может начать, не дожидаясь ответной реплики.

4. В отличие от непосредственного контактного устного общения, в чате у коммуниканта есть возможность не взаимодействовать с другими участниками: не отвечать на реплики, игнорировать партнеров по диалогу / полилогу, что считается нарушением нормы при непосредственном живом общении.

5. Письменный канал коммуникации, ее техническая специфика исключают такие разговорные практики, как прерывание или наложение речи одного партнера на речь другого.

6. Схожей чертой, присутствующей и в устном, и в письменном диалоге, является адресованность, обращенность реплик. Однако следует отметить, что в чате она факультативна и носит неличный характер, т. к. любое высказывание, даже обращенное к определенному собеседнику, доступно всем, кто находится в чате.

7. Отсутствие средств передачи эмоций, описания своих действий в традиционной письменной речи привело к появлению в компьютерно-опосредованном диалоге новых средств, которые компенсируют их нехватку.

Библиографический список

1. Антонова Л.Г. Современные коммуникативные процессы. Ярославль, 2009.
2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.

3. Щипицина Л.Ю. Понятие текста компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 4 (2). С. 54–60.
4. Kuukkanen S. Zur Sprache im Internet Relay Chat. Unter besonderer Berücksichtigung der Verwendung der Interjektion 'na'. Helsinki, 1999. URL: <http://ethesis.helsinki.fi> (дата обращения: 3.07.2011).
5. Storrer A. Getippte Gespräche oder dialogische Texte? // Sprache im Alltag. Berlin/NY, 2001. S. 439–465.

И.Л. Фунтова

Фразовое ударение в английском и русском языках¹

Статья посвящена контрастивному анализу акцентуальных особенностей английского и русского языков, а именно: влиянию словесного ударения на акцентную структуру фразы и изменениям, которые претерпевает акцентная структура слова под влиянием темпа, ритма и мелодики фразы. В статье рассматриваются категории слов, выделяемые и не выделяемые фразовым ударением в английском и русском языках, а также определяется функциональная значимость фразового ударения в формировании высказывания и затрагивается проблема разных трактовок фразового ударения в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: фразовое ударение, знаменательное слово, энклитик, проклитик, перераспределение (сдвиг) ударений.

По определению Т.В. Бабушкиной [1, с. 16], ударение – это выделение в устной речи какой-либо фонетической единицы с помощью собственных языку фонетических средств.

¹ Статья печатается в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (направление «Филологические науки и искусствоведение») по теме: «Комплексное исследование проблем языка, личности и культуры в условиях инновационных изменений в науке и образовании».

В зависимости от того, с какой сегментной единицей соотносится ударение, различают несколько его функциональных типов: 1) словесное, с помощью которого выделяют один из слогов неодносложного слова; 2) тактовое, или синтагматическое, функция которого заключается в фонетическом объединении нескольких слов в синтагму; 3) фразовое, объединяющее несколько синтагм во фразу и оформляющее ее законченность; 4) логическое, которое позволяет выделить слово, несущее основную коммуникативную нагрузку во фразе; оно связано с явным или подразумеваемым противопоставлением и может падать на любое слово речевого такта; 5) эмфатическое, позволяющее передавать разного рода эмоции, отношение говорящего к сообщаемому.

В настоящей статье мы собираемся провести контрастивный анализ фразового ударения в английском и русском языках и определить его функциональную значимость в формировании высказывания.

Словесное и фразовое ударение относятся к различным речевым единицам – слову и фразе, однако между ними существует теснейшая связь. С одной стороны, фразовое ударение реализуется на том же слоге, что и словесное. Тем самым последнее оказывает влияние на акцентную структуру фразы. С другой стороны, акцентная структура слова способна претерпевать изменения под влиянием темпа, ритма и мелодики фразы.

При объединении нескольких синтагм во фразу усиливается синтагматическое ударение в последней синтагме, и оно становится фразовым. Оно определяет тип фразы в целом и выполняет фразообразующую функцию [2, с. 67; 3, с. 186].

Различение синтагматического и фразового ударений связано с различением сегментных единиц, выделяемых ими. Однако по своим физическим характеристикам эти два типа ударений совпадают. При анализе звучащего текста, характеризующегося только такими ударениями, можно расчленить его на сегменты, соответствующие синтагмам, но нельзя выделить границы между фразами. Это можно сделать только при учете и других параметров – длительности пауз и характера интонации. Поэтому, как отмечает Л.Л. Касаткин [5, с. 79], большинство лингвистов объединяют синтагматическое и фразовое ударения под одним названием – «фразовое».

Попытки определить один ведущий просодический компонент, создающий эффект выделенности слова во фразе, не увенчались успехом. Несмотря на мнение большинства фонетистов, что эту роль выполняет изменение тона на выделенных ударением слогах, следует признать, что не все ударные слоги реализуются с непременно мелодическим изменением; в то же время изменение мелодики может происходить и на безударных слогах. Поэтому, как отмечают Е.А. Буряя, И.Е. Галочкина

и Т.И. Шевченко [4, с. 137], наиболее приемлемой является следующая иерархическая схема участия акустических характеристик в достижении эффекта фразового ударения: ЧОТ (частота основного тона, соответствующая частоте колебания голосовых связок) > длительность > интенсивность. Важную роль в этом процессе играет и тембр (качество гласного).

В силу своей сложности фразовое ударение редко признается самостоятельным компонентом интонации. Оно не может быть поставлено в один ряд с мелодикой, громкостью и темпом, поскольку не имеет примарного акустического коррелята и является результатом взаимодействия нескольких просодических средств [Там же, с. 137]. Ударение комплексно по своей природе и представляет собой сложное воспринимаемое качество, рождаемое взаимодействием высотного уровня, долготы, силы и тембра (качества звука) [Там же, с. 144; 5, с. 118].

Несомненно, что ударение теснейшим образом связано с интонацией: повышение или понижение тона чаще всего соотносится с ударным слогом одного из слов во фразе. От уровня и направления произнесения ударного слога зависит степень фразового ударения. Нередко в интонационных описаниях фигурируют и безударные слоги, что предполагает обращение к ударению. Этой взаимозависимостью и объясняется тот факт, что фразовое ударение иногда включают в число компонентов интонации.

С функциональной точки зрения фразовое ударение является средством выделения одних слов в смысловой группе или фразе по степени их смысловой нагрузки на фоне других. Место фразового ударения, несомненно, играет важную роль в формировании смысла высказывания.

Прежде всего, фразовое ударение является средством выделения информационного центра высказывания. Позиция последнего зависит от контекста и ситуации. Он может охватывать всю фразу (смысловую группу), и в этом случае все значимые слова получают одинаковую выделенность, а ядерный тон располагается на последнем значимом слове. Такое ударение называют обычным, или децентрализованным. Информационный центр может включать несколько слов фразы, и тогда ядерный тон оказывается на последнем значимом слове данной группы [4, с. 141].

В том случае, если информационный центр оказывается сконцентрированным на одном слове, то его позиция либо должна быть оправдана предшествующим контекстом или ситуацией (*'Who 'didn't you under stand? – I 'didn't under stand `Peter*), либо сама создает коммуникативный подтекст (*I `never under stood `Peter = but I 'did under stand the others*). Такое ударение называют централизованным.

Позиция ядерного тона способна дифференцировать смысл изолированных высказываний, различая их семантико-синтаксические

составляющие (члены предложения), например: *I've 'never 'met his 'brother `Bill* и *I've 'never 'met his `brother, «Bill*. В первой фразе имя *Bill* является приложением, во второй – обращением.

Наконец, усиление степени фразового ударения используется для передачи насыщенных эмоциональных состояний говорящего. В этом фразовое ударение функционально смыкается с интонацией.

Все вышеперечисленное наряду с организующей и ритмообразующей ролью фразового ударения и составляет его функции.

Однако фразовое ударение не образует парадигматических различительных языковых единиц, обладающих планом содержания подобно, например, мелодике. Различия в значениях интонационных единиц распознаются через «вертикальные» противопоставления, т.е. через противопоставления между синтагмами или фразами, в то время как фразовое ударение создает «горизонтальные», синтагматические единицы, значимость которых определяется через сопоставление внутри смысловой группы или фразы, например: *I'll «bring his «book to`morrow*, *`I'll «bring his «book to«morrow*, *I'll «bring `his «book to«morrow* [4, с. 144–145]. Тем не менее, вынесение фразового ударения за рамки интонации не означает умаления его функциональной значимости; напротив, оно может быть выделено в самостоятельную функциональную систему.

В английском и русском языках фразовое ударение понимается по-разному. Как отмечает В.Н. Ярцева [8, с. 561], в англоязычной традиции термин *phrase* соответствует не русскому «фраза» (в значении «высказывание»), а скорее русскому полнозначному фонетическому слову или словосочетанию, поэтому возможны терминологические недоразумения. Так, например, для фразы *В воскресенье мы иде́м в теа́мп* (*On Sunday we are 'going to the theatre*) в английской традиции можно говорить о трех фразовых ударениях (на словах *Sunday*, *going* и *theatre*), а в русской – только об одном фразовом ударении на слове *теа́мп* в нейтральном произнесении. Другими словами, фразовое ударение в русском языке реализуется в зоне последнего ударного слога фразы, а в английском оно распределяется на основании лексико-синтаксического деления слов на служебные и значимые. В нейтральном произнесении зона фразового ударения не воспринимается как особо выделенная, маркированная, поэтому фразовое ударение иногда называют нейтральным, или автоматизированным [Там же].

Ударность слова в английском предложении находится в прямой зависимости прежде всего от смысловой роли этого слова. Поэтому ударением обычно выделяются слова знаменательные, т.е. с собственным лексическим значением (существительные, прилагательные, знаменательные

глаголы, наречия, числительные, указательные и вопросительные местоимения) в противоположность служебным, которые выражают грамматические значения, отношения между словами в предложении и группируются вокруг знаменательных слов в качестве проклитика, примыкающего к началу значимого слова, и энклитика, примыкающего к его концу. Безударными в английском языке являются артикли, союзы, предлоги, глаголы-связки и вспомогательные глаголы, модальные глаголы *can, may, must, should*, а также личные, притяжательные, относительные и возвратные местоимения. Отрицательная частица *not* в английском языке является ударной [7, с. 264].

Однако имеется ряд случаев, когда обычно безударные служебные слова приобретают семантическую важность и имеют ударение:

1) глаголы-связки, вспомогательные и модальные глаголы в начале общих вопросов, в кратких ответах на вопросы, а также в слитных отрицательных формах разговорного стиля: *'Are you ,ready?*, *'Did you ,see him?*, *'May I ,go? – Yes, | you ,may*, *It 'isn't a 'great 'deal of trouble*;

2) вспомогательный глагол *to do* в эмфатических конструкциях (при подчеркивании) в значении «действительно, в самом деле»: *I 'do ,like it*;

3) глагол *to be* в конце синтагмы после безударного местоимения: *I 'don't 'know ↑where he is*;

4) при выражении предположения модальный глагол *may* в значении «может быть, возможно», а модальный глагол *must* в значении «должно быть»: *He 'may have a'lready come – но: You may go ,now*; *He 'must be ,waiting ,for us ,now – но: He must 'do it at ,once*;

5) возвратные местоимения в значении «сам»: *He 'did it him ,self*, *'I my'self ,saw it* (в данном случае личное местоимение *I* также становится ударным);

6) личные и притяжательные местоимения в кратких ответах на вопросы к подлежащему: *'Which of you 'speaks 'French ,well? – ,She ,does* (в этом случае вспомогательный глагол имеет третьестепенное ударение);

7) союзы (за исключением *but*) и двусложные предлоги в начале предложения перед безударным местоимением: *'If he ,comes, | 'tell him to ,wait – но: 'Tell him to 'wait, if he ,comes*; *Be'fore we ,start, | 'tell me ,one ,thing*;

8) двусложные предлоги в конце синтагмы перед безударным личным местоимением: *I 'ran ,after them*, *He di'vided it be ,tween them*.

Таким образом, фразовое ударение в английском языке прежде всего обусловлено смысловой значимостью слов, а также в некоторой степени и ритмической тенденцией произносить ударные слоги через равные промежутки времени, чему содействует чередование ударных и безударных слогов. Так, например, ритмическая тенденция способствует ударности

глаголов-связок, вспомогательных и модальных глаголов, начинающих общий вопрос. Личные местоимения, которые следуют за ними, – неударные. За неударными местоимениями обычно следует ударный знаменательный глагол: так устанавливается ритмическое чередование ударных и безударных слогов. Также широко известны случаи смещения (сдвига, или перераспределения) ударений в английском языке под влиянием ритмического фактора и увеличения темпа речи: *It was a 'well – °ordered park – I 'saw a 'large °well – °ordered park* [10, с. 51–52].

В английском языке при помощи фразового ударения выделяются не слова, а группы, состоящие из какого-либо знаменательного слова с его энклитиками и проклитиками. Последние образуют вместе со знаменательным словом ритмическую группу: *I'll 'leave it till to, tomorrow, | as I 'haven't 'time to 'do it now.*

Правила распределения ударений во фразе и ритмическая структура английской синтагмы во многом отличаются от произносительных норм русского языка. Так, при большом количестве многосложных слов в русском языке и при свободном ударении ритм русского предложения не так ясно уловим, как ритм английской речи.

Основной трудностью для русских, изучающих английский язык, является неударность личных, притяжательных и относительных местоимений, вспомогательных и модальных глаголов, а также глагола «быть» в любой функции, т. к. в русском языке мы наблюдаем как раз обратное явление. Например, английские предложения *I must 'go to Moscow* и *You can 'do it to, tomorrow* по-русски звучали бы так: *Мн'е ну́жно съе́здить в Москв'у, В'ы мо́жете э́то сде́лать з'автра.*

В русской фразе почти на каждое слово падает ударение (сильное или слабое): *Мо'я сестра' был'а дома, За'втра он б'удет з'анят.* В английском языке такие фразы встречаются как исключение: *'Find 'page 'twenty 'nine.* Произношение *'I a'lighted, 'my 'father, 'he 'was 'out* представляет обычную норму в русском языке, а в английском звучит как эмфатическое выделение слов, обычно выступающих в качестве проклитик, либо как произнесение слов по слогам.

В русском языке все же есть некоторое количество безударных слов, но их не так много. Например, не выделяются ударением частицы *ли, же, ведь, да, ну, -ка* и союзы *и, а, но, то,* часто безударны односложные предлоги. Однако в некоторых сочетаниях предлоги *на, за, под, по, от, без, из* принимают на себя ударение, и тогда следующее за ними существительное становится безударным и выступает в роли энклитики: *на' зиму, за' ночь, по'д руку, по' морю, ча'с о'т часу, бе'з вести, и'з лесу.*

Обычно в предложении частицы *не* (отрицательная) и *ни* (усилительная) бывают безударными, но иногда они «перетягивают» на себя ударение: *не́ был, не́ дал, ка́к бы то ни́ было, кто́ бы то ни́ был*. В отрицательных местоимениях, отделенных от частиц *не* и *ни* предлогами, ударение падает на отрицание *не*, а частица *ни* всегда бывает безударной, например: *не́ с кем – ни с ке́м, не́ к кому – ни к кому́* [7, с. 167].

Таким образом, проведенное нами исследование фразового ударения в английском и русском языках показало, что, если не говорить об эфатическом ударении, то в русской речи, в отличие от английской, слова не выделяются так резко фразовым ударением, и почти каждое слово является ударным. Поэтому русская речь по сравнению с английской часто производит впечатление более плавной и мелодичной.

Что касается функциональной значимости фразового ударения в формировании высказывания, в английском и русском языках такое ударение выполняет функцию выделения одних слов в смысловой группе или фразе по отношению к другим в соответствии со степенью их смысловой нагрузки. Также можно отметить организующую роль фразового ударения, цементирующего компоненты фразы в единое целое, и его ритмообразующую функцию (особенно в английском языке).

Библиографический список

1. Бабушкина Т.В., Гурьева Н.Н. Фонетическая система русского языка. Тверь, 1999.
2. Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык: Фонетика. М., 2001.
3. Буланин Л.Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970.
4. Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. М., 2006.
5. Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика. М., 2008.
6. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация. М., 1975.
7. Леонтьева С.Ф. Теоретическая фонетика современного английского языка. М., 2011.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Троцинская А.Е., Фунтова И.Л. The Phonetic Analysis of the Text (учебно-методическое пособие по английскому языку). М., 2007.
10. Фонетика английского языка. Нормативный курс / Васильев В.А., Катанская А.Р., Лукина Н.Д. и др. М., 1980.

А.В. Бухалов

Устаревшая лексика как лингвистическая составляющая этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку

В статье раскрывается содержание понятий «устаревшие слова», «историзмы», «архаизмы». Представлена классификация тематических групп устаревшей лексики с иллюстрациями из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Материалы могут быть использованы на уроках русского языка в школе при изучении темы «Устаревшие слова», а также при комментировании устаревшей лексики текстов художественной литературы.

Ключевые слова: устаревшие слова, историзмы, архаизмы, этнокультуроведческий подход.

Этнокультуроведческий подход в преподавании русского языка, предполагающий приобщение учащихся к русской национальной истории и культуре, востребован современным обществом. В настоящее время данный подход наряду с коммуникативно-деятельностным, функциональным и текстоориентированным определяется как один из современных подходов к предметам филологического цикла. Реализация этнокультуроведческого подхода в школьной практике обусловлена необходимостью соизучения русского языка и культуры русского народа, истории языка и истории народа в целях формирования у учащихся национального самосознания.

Этнокультуроведческий подход в обучении русскому языку как понятие лингвометодики, по нашему мнению, структурно включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов: этнопедагогический, этнопсихологический и этнолингвистический. В аспекте поставленной в статье

проблемы считаем возможным рассматривать в качестве лингвистической составляющей этнокультуроведческого подхода устаревшую лексику.

Вопрос о функционировании архаичных форм в современном русском языке является актуальным. Это обусловлено тем, что язык – категория историческая, развивающаяся. В новой языковой системе закономерно сохраняются архаичные элементы – слова и словоформы эпохи прошлого. Изучение процесса архаизации важно не только как документальный фактор этнического бытия, но и как средство сохранить непрерывность культурных традиций, духовную связь поколений.

Словарь русского языка в процессе своего исторического развития, как отмечается в лингвистической литературе, непрерывно изменяется и совершенствуется. Его развитие определяется процессом постоянного пополнения лексики за счет новых слов. Одновременно происходит и обратный процесс – исчезновение из ее состава устаревшей лексики. По мнению Н.М. Шанского, этот процесс не является определяющим, но сильно сказывается на облике словарного состава языка [8, с. 141].

Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления и в современном языке, как правило, не встречаются [3, с. 540].

А.В. Калинин считает, что устаревшие слова существуют только для данного периода развития языка. Само понятие «устаревшее» предполагает непременно соотнесение с современным этапом: оно исторически обусловлено. «Характеристика “устаревшее” – это суждение о тех или иных элементах языка с точки зрения его сегодняшнего состояния» [2, с. 58].

Почему слово становится устаревшим? Каковы причины его ухода из активного употребления в этот разряд лексики? О.С. Ахманова утверждает, что, с одной стороны, слово может устареть само по себе, т.е. оказаться вытесненным из живого употребления синонимичным ему; с другой стороны, оно может устареть в том смысле, что из живого обихода выпадет обозначаемый этим словом предмет – в этом случае вытеснения слова синонимами, замены его другими словами не происходит. На первый взгляд, результат в обоих случаях будет один и тот же – слово выйдет из живого употребления, но их следует четко различать [1, с. 271].

Таким образом, в зависимости от причин архаизации устаревшие слова делятся на два разряда: историзмы и архаизмы.

Историзмы – это слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий [3, с. 540]. Они называют устаревшие вещи, явления, которые ушли в историю: *армяк, барицина, граф, император, кольчуга, нэп, урядник* и другие. Если сегодня нужно упомянуть об ушедшем в прошлое явлении, его следует называть так, как оно

когда-то называлось. Это говорит о том, что историзмы не имеют синонимов в современном русском языке.

Историзмы представляют собой разнообразные тематические группы слов. В своей работе мы придерживаемся классификации, представленной в Словаре русских историзмов [5, с. 178]. Примеры тематических групп слов приведены из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

1. Наименования лиц.

1. Верховные правители, монархи, их наследники (*император, княжна, князь* и другие).

Император – «высший титул монархов; монарх, носящий этот титул (первоначально в Древнем Риме почетный титул полководца)» [4, с. 245]. *Император французов, Наполеон, и тот не имеет лучшего врача.*

Князь – «почетный титул, переходивший по наследству или даровавшийся разным лицам при царизме за особые заслуги, а также лицо, имеющее этот титул» [6, т. I, с. 1386]. *Я у князя Витгенштейна и у Жуковского пульс щупал!*

2. Должностные, официальные лица, чиновники, служащие (*генерал-адъютант, губернатор, дворецкий, дьяк, камердинер, становой, тайный советник* и др.).

Губернатор – «начальник какой-нибудь большой административно-территориальной федеративной единицы (например, губернии в царской России), а также (неофициально) глава исполнительной власти крупного города» [4, с. 148]. *Город***, куда отправились наши приятели, состоял в ведении губернатора из молодых, прогрессиста и деспота, как это сплошь да рядом случается на Руси.*

Камердинер – «комнатный служитель при господине в богатом дворянском доме» [6, т. I, с. 1298]. *Он в самом деле вольный, – заметил вполголоса Николай Петрович, – но ведь он – камердинер.*

3. Сословное положение, состояние господства, личная зависимость (*аристократ, барин, господин, душа, крепостной, однодворец, помещик* и др.).

Аристократ – «представитель высшего привилегированного слоя дворянства, знати, аристократии» [6, т. I, с. 55]. *Смею сказать, меня все знают за человека либерального и любящего прогресс; но именно потому я уважаю аристократов – настоящих.*

Однодворец – «при крепостном праве в России – лицо, происходившее от низшего разряда служилых людей, владеющее небольшой землей, обычно в один двор, пользовавшееся правом владеть и крестьянами, но облагавшееся с XVIII века подушной податью наравне с крестьянами» [Там же, т. II, с. 764]. *Не хватало рук для жатвы: соседний однодворец,*

с самым благообразным лицом, порядился доставить жнецов по два рубля с десятины.

4. Титулы, титулования, обращения, звания (*император, милостивый государь, сударь* и др.).

Милостивый государь – «вежливая форма официального обращения в речах или письмах» [6, т. II, с. 214]. *Вспомните, милостивый государь (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), английских аристократов.*

Сударь – «господин; употребляется преимущественно как вежливое, учтивое, иногда ироничное обращение к лицу из господствующих классов, а также между равными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской среды» [Там же, т. IV, с. 581]. *Полчаса тому назад, сударь вы мой, вы бы увидели меня в совершенно другой позиции.*

5. Исполняемые обязанности, работа, дело (*кучер, приказчик, тапер, ямщик* и другие).

Приказчик – «служащий в имении, управляющий помещичьим хозяйством и исполнявший различные хозяйственные поручения» [Там же, т. III, с. 798]. *От чая до завтрака всякий делал что хотел, сама хозяйка занималась с приказчиком, с дворецким, с главною ключницей.*

Тапер – «пианист, играющий за плату на танцевальных вечерах. В кино – сопровождающий немые фильмы игрой на фортепьяно» [6, т. IV, с. 652]. *И не говорите мне, что эти плоды ничтожны: последний пачкун, <...> тапер, которому дают пять копеек за вечер, и те полезнее вас, потому что они представители цивилизации.*

6. Военная сфера (*генерал-адъютант, прапорщик, секунд-майор, штаб-ротмистр* и другие).

Генерал-адъютант – «в дореволюционной армии высший военный чин, исполнявший обязанности адъютанта при царе» [Там же, т. I, с. 549]. *Если б я продолжал служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь был генерал-адъютантом.*

Секунд-майор – «офицерский чин, существовавший в русской армии в XVIII веке и соответствовавший позднешему чину капитана» [6, т. IV, с. 134]. *Кто он был, твой дед? Секунд-майор какой-то. При Суворове служил и все рассказывал о переходе через Альпы.*

II. Наименования административно-территориальных единиц, объединений, земельных владений, участков, наделов, домовладений, пожалований (*губерния, губернский город, десятина, имение, слободка, уезд* и др.).

Губерния – «основная административная территориальная единица в России и в СССР до районирования» [Там же, т. I, с. 635]. *Погода*

стояла прекрасная; правда, издали грозилась опять холера, но жители ...й губернии успели уже привыкнуть к ее посещениям.

Слободка – «в России до отмены крепостного права: большое село с некрепостным населением, а также торговый или ремесленный поселок; поселок около города, пригорода» [4, с. 730]. *Это и было Марьино, Новая слободка, или по крестьянскому наименованью, Бобылий Хутор.*

III. Наименования органов власти, организаций, учреждений, ведомств, заведений (*дума, кабак, казенная палата, постоялый двор* и др.).

Казенная палата – «в царской России губернское учреждение, ведающее государственной казной. Казна – деньги, имущество, принадлежащие государству или организации» [4, с. 259]. *Слуга вошел и доложил о приезде председателя казенной палаты.*

Постоялый двор – «помещение для ночлега с двором для лошадей и экипажей проезжающих, обычно с трактиром» [6, т. III, с. 642]. *Что, Петр, не видать еще? – спрашивал, выходя без шапки на низкое крылечко постоялого двора, барин лет сорока.*

IV. Наименования в торгово-экономической сфере.

1. Платежные средства, деньги, ценные бумаги (*ассигнация, грош* и др.). *Ассигнация* – «бумажный денежный знак; бумажные деньги в России с 1769 по 1849 г. Например, рубль ассигнациями (старый денежный счет, в котором один рубль серебром равнялся 3½ руб. ассигнациями)» [4, с. 30]. *Он [отец Алексей] сел за зеленый стол с умеренным изъятием удовольствия и кончил тем, что обыграл Базарова на 2 рубля 50 копеек ассигнациями.*

Грош – «старинная медная монета ценностью в две копейки, позднее в полкопейки» [6, т. I, с. 628]. «Дуняша тихонько ставила на окно зажженную курительную свечку, подложивши под нее *грош*».

2. Сборы, пошлины, налоги, повинности, взыскания (*десятина, недоимка, оброк* и другие).

Недоимка – «не уплаченный в срок налог, сбор» [4, с. 404]. – *О чем толковал? – спросил у него другой мужик <...>, присутствовавший при беседе его с Базаровым. – О недоимке, что ль?*

Оброк – «при крепостном праве одна из основных форм эксплуатации крестьян помещиками, при которой помещик взимал с крестьян натуральный или денежный сбор» [6, т. II, с. 704]. *Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году. Не платят оброка.*

V. Наименования транспортных средств (*дрожки, коляска, тарантас, экипаж* и другие).

Дрожки – «легкий открытый рессорный четырехколесный экипаж, легкая повозка» [6, т. I, с. 803]. *Они шли к себе домой от губернатора, как вдруг из проезжавших мимо дрожек выскочил человек.*

Тарантас – «дорожная крытая повозка на длинных дрогах, на уменьшающих тряску длинных продольных брусках, которыми соединены передок с задком» [6, т. IV, с. 654]. *Показался тарантас, запряженный тройкой ямских лошадей.*

VI. Наименования одежды и ее деталей.

1. Общие (*армяк, балахон, бурка, венгерка, галун, душегрейка, казакин, кафтан, кринолин, кушак, панталоны, сюртук, фрак, чуйка, шинель, шлафрок* и другие).

Венгерка – «гусарская куртка с нашитыми поперечными шнурами» [4, с. 73]. *Из проезжавших мимо дрожек выскочил человек, небольшого роста, в славянофильской венгерке.*

Казакин – «мужское верхнее платье в виде кафтана на крючках со стоячим воротником и со сборками сзади» [6, т. I, с. 1280]. *Я их боюсь, лягушек-то, – заметил Васька, мальчик лет семи, с белою, как лен, головою, в сером казакине со стоячим воротником и босой.*

Шлафрок – «домашний халат» [Там же, т. IV, с. 1352]. *Чудак был твой папа всегда, – заметил Колязин, побряскивая кистями своего великолепного бархатного шлафрока.*

2. Форменная одежда (*вицмундир, ливрея* и другие).

Вицмундир – «до революции: форменный фрак гражданских чиновников [Там же, т. I, с. 301]. *Матвей Ильич обратился к молодому чиновнику в благонамереннейшие застегнутом вицмундир.*

Ливрея – «форменная парадная одежда особого покроя, обычно с шитьем и галунами для швейцаров, лакеев, кучеров» [Там же, т. II, с. 57]. *Приятелей наших встретили в передней два рослые лакея в ливрее.*

3. Головные уборы (*ермолка, картуз, кичка, треуголка, тулья, феска, чепец, шишак* и другие).

Картуз – «мужской головной убор с жестким козырьком, неформенная фуражка» [6, т. I, с. 1327]. *Вот мы и дома, – промолвил Николай Петрович, снимая картуз.*

Шишак – «в старину – металлический шлем с острием, заканчивающимся шишкой» [6, т. IV, с. 1348]. *Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке.*

VII. Наименования зданий, построек, помещений, сооружений. В романе «Отцы и дети» представлен только один пример данной тематической группы.

Усадьба – «отдельное поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом, огородом); в старину преимущественно господский, помещичий дом» [6, т. IV, с. 984].

Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме.

VIII. Наименования орудий и мест наказания. В романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» представлен только один пример данной тематической группы.

Экзекуция – «телесное наказание. Исполнение судебного или административного приговора, в частности – смертной казни и телесного наказания» [Там же, т. IV, с. 1397]. *Я уверен, что он [Николай Петрович] не шутя воображает себя дельным человеком, потому что <...> раз в месяц избавит мужика от экзекуции.*

IX. Наименования предметов обихода (*веер, мошина, нагайка, ридикюль, чубук* и другие).

Мошина – «мешок для хранения денег, карман» [4, с. 368]. *За это я ручаюсь! Чем? Собственной головою. Лучшие бы мошиною батюшки.*

Ридикюль – «ручная женская сумочка» [Там же, с. 679]. *Арина Властьевна боялась с ним [Базаровым] заговаривать. «Енюшка!» – бывало, скажет она, – а тот еще не успеет оглянуться, как уж она перебирает шнурками ридикюля.*

X. Наименования мер веса, длины, жидкостей (*аршин, верста, четвертушка* и другие).

Верста – «русская мера длины, употреблявшаяся до введения метрической системы, равная 500 сажням, немного более 1,06 километра» [6, т. I, с. 254]. *У него [Николая Петровича] в пятнадцати верстах от постылого двора хорошее имение в двести душ.*

Четвертушка – «уменьшительно-ласкательное к четвертка – четверть, четвертая часть целого» [4, с. 853]. *Отец их [Николая Петровича и Павла Петровича] лишь изредка присылал сыновьям большие четвертушки серой бумаги, испещренные размашистым писарским почерком.*

Второй разряд устаревших слов представлен архаизмами.

Архаизмы – это слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами [3, с. 540]. Например, *сей* – «этот», *зело* – «очень», *вежды* – «веки» и другие. Если необходимо назвать современную вещь, то следует называть ее современным наименованием, а не устаревшим, например: *зеркало*, а не *зерцало*, *очень*, а не *зело*, *шведский*, а не *свейский*. Таким образом, архаизмы в отличие от историзмов имеют синонимы в современном русском языке.

В зависимости от того, устарело ли все слово, его значение, фонетическое оформление или отдельная словообразовательная морфема, Н.М. Шанский выделяет следующие группы архаизмов.

1. Собственно-лексические архаизмы – слова, целиком вышедшие из употребления и перешедшие в пассивный словарный запас. Например, *аки* – «как», *око* – «глаз», *стихотворец* – «поэт», *тать* – «вор».

2. Лексико-семантические архаизмы – слова, у которых устарело одно или несколько значений, например: *живот* – «жизнь», *истукан* – «ста-туя», *негодяй* – «негодный к воинской службе», *пристанище* – «порт», *глагол* – «слово».

3. Лексико-фонетические архаизмы – слова, у которых в результате исторического развития изменилось звуковое оформление, однако значение сохранилось полностью, например, *зерцало* – «зеркало», *про-изм* – «героизм», *осьмнадцать* – «восемнадцать», *пашипорт* – «паспорт», *шитиль* – «стиль». Особую группу составляют акцентологические архаизмы – слова, у которых изменилось ударение, например, *му́зыка* (совр.) и *музы́ка* (уст.), *су́ффикс* и *суффи́кс*, *фило́соф* и *филосо́ф*.

4. Лексико-словообразовательные архаизмы – это слова, в которых устарели отдельные морфемы или словообразовательная модель, например, *дол* – «долина», *дружество* – «дружба», *пастырь* – «пастух», *рыбарь* – «рыбак», *фантазм* – «фантазия» [7, с. 30].

В романе И.С. Тургенева представлены следующие группы архаизмов:

1. Собственно-лексические (*пасть*, *перст*, *сей*, *яство* и др.).

Пасть – «непроизвольным движением резко опускаться сверху вниз; опускаться, валиться на землю, книзу» [4, с. 495]. *Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у мужа на шее, и оба вместе пали ниц.*

Перст – «в переносном значении – совсем один, одиноко» [6, т. III, с. 236]. *Бросил, бросил нас, – залепетал он [Василий Иванович], скучно ему [Базарову] стало с нами. Один, как перст теперь, один!*

Сей, указат. местоим. – «то же, что этот» [4, с. 708]. – *Кто сей? – спросил Павел Петрович.*

Яство – «еда, кушанье» [Там же, с. 919]. *Арина Власьевна по-прежнему сидела возле сына, и вставала только затем, чтобы велеть подать какое-нибудь новое яство.*

2. Лексико-фонетические. В романе нами был зафиксирован только один пример данной группы.

Нумер – «предмет, обозначенный определенным числом по порядку» [6, т. II, с. 591]. *Бумаги, письма, толстые нумера русских журналов, большею частью неразрезанные, валялись по запыленным столам.*

3. Лексико-словообразовательные (*безвозбранный*, *возопить*, *возроп-тать*, *вопрошать*, *долженствовать* и др.).

Безвозбранный, *безвозбранно*, нареч. – «ничем не стесняемый, беспре-пятственный» [6, т. I, с. 105]. *Овцы безвозбранно бродят по могилам.*

Вопрошать – «то же, что спросить. Спрашивать, задавать вопрос» [6, т. I, с. 363]. *Аркадий недоумевал и наблюдал за нею* [Одинцовой], *как молодые люди наблюдают, т.е. постоянно вопрошал самого себя: что, мол, это значит?*

Долженствовать – «быть обязанным, должным что-нибудь сделать» [Там же, с. 756]. *Эти статуи должныствовали собою: Уединение, Молчание, Меланхолию, Стыдливость и Чувствительность.*

Функционирование устаревших слов в языке обусловлено их стилистическими функциями. В рамках данной статьи такие слова рассматриваются как средство воссоздания колорита конкретной исторической эпохи. Анализ романа «Отцы и дети», изобилующего архаичными элементами, в школьной практике должен сопровождаться историческим комментарием.

Представленный исторический языковой материал может быть использован на уроках русского языка при изучении разных его уровней, а также при комментировании устаревшей лексики текстов художественной литературы на уроках русского языка и литературы. В ходе комментирования учащимся необходимо доказать принадлежность анализируемых слов к устаревшей лексике, сформулировать лексическое значение, используя данные толковых и этимологических словарей, и определить их семантико-стилистическую роль в предложенном фрагменте текста. На основе проведенного анализа учащиеся составляют словарные статьи, которые наглядно позволят увидеть, что язык есть развивающееся явление. Словарная работа также будет способствовать совершенствованию развития культуры речи учащихся.

Кроме того, работа с устаревшей лексикой может включать в себя научно-исследовательскую деятельность учащихся через ознакомление с региональными архивными документами, содержащими иллюстративный материал, требующий современной интерпретации исторических фактов языка.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Калинин А.В. Лексика русского языка. М., 1971.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2004.
5. Словарь русских историзмов: Учеб. пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. М., 2005.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1996.

7. Шанский Н.М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 27–33.
8. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Т.М. Воителева

Личностно ориентированное обучение как способ развития творческих способностей учащихся средней школы

Статья посвящена основным подходам в обучении русскому языку в современной школе.

Ключевые слова: подход в обучении, личностно ориентированное обучение, языковая личность, коммуникативный подход, компетентностный подход, текстоцентрический принцип, компетентность.

В настоящее время главной задачей образовательной политики является обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия перспективным потребностям личности, общества и государства. Развитие личности становится приоритетом образования и воспитания в школе. Представление об ученике как субъекте учебно-познавательной деятельности делает обоснованной необходимость переосмыслить цели, задачи и содержание школьного обучения русскому языку.

В соответствии с «Национальной доктриной образования в Российской Федерации» обновление школы должно происходить в направлении создания оптимальных условий для всестороннего развития личности с новым сознанием, уровнем образования, отвечающим интересам, склонностям и запросам учащегося. Это требует переориентации всего образовательного процесса с позиции традиционной знаниевой модели обучения на личностно ориентированную, которая в результате

изменения позиции ученика в учебном процессе будет содействовать развитию его индивидуальности, обеспечит ему реализацию творческих и познавательных интересов, потребностей и наклонностей.

В основе современных представлений о личностно ориентированном образовании лежит *личностный подход*, идеи которого получили развитие в трудах А.Д. Алферова, Г.Ф. Кирилловой, А.И. Кочетова, Г.И. Щукиной и других исследователей. Под *подходом к обучению* подразумевается методологическая основа, определяющая стратегию обучения (цели, задачи, содержание, действия учителя и ученика). Это теоретическая база, которая строится на данных базисных для методики русского языка наук. Особую значимость в реализации личностного подхода приобретает принцип индивидуализации, учет индивидуальных особенностей школьника.

Личностно ориентированное обучение рассматривается нами как педагогический процесс, основой которого является личность ученика как субъекта учебного процесса, а соответственно – развитие его мышления и способностей, в том числе коммуникативных. Это обучение, обеспечивающее развитие активности учащихся через самостоятельную и совместную деятельность. При реализации такого подхода процессы обучения и учения взаимно согласовываются с учетом механизмов познания, мыслительных и поведенческих особенностей учащихся, а отношения «учитель–ученик» строятся на принципах сотрудничества и свободы выбора.

Целью личностно ориентированного обучения является создание условий для формирования активной деятельности личности, для реализации ее интересов и прав, выявления и развития способностей каждого ученика. Осуществление личностно ориентированного подхода на уроках русского языка соотносится с проблемой формирования школьника как языковой личности, владеющей всеми видами речевой деятельности, способной решать разнообразные задачи в процессе обобщения, осознания, действовать в различных сферах жизнедеятельности.

Языковая личность формируется на протяжении всего обучения в школе и, прежде всего, в процессе изучения родного языка как источника развития духовных способностей школьников. «Языковая личность – вот та сквозная идея, которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [1, с. 3].

Большую роль в личностно ориентированном обучении учащихся играет *методика сотрудничества и сотворчества* учителя с учениками, опирающаяся на индивидуальные способности школьника как основного субъекта образовательного процесса.

Освоению учащимися личностно-значимых для них знаний и умений, способов деятельности способствует *компетентностный подход*, являющийся основой обязательного минимума содержания образования. Как известно, в процессе обучения русскому языку у школьников формируются следующие основные компетенции: языковая, лингвистическая, коммуникативная и культуроведческая, что в итоге обеспечивает единство языкового, речемыслительного, интеллектуального, духовно-нравственного и эстетического развития учащихся. Виды компетенций названы в новых стандартах и обозначены в образовательном минимуме как основные составляющие содержания обучения русскому языку.

Основной дидактической единицей, средством обучения русскому языку и формирования всех видов компетенций является *текст* как результат речевой деятельности, что соответствует *принципу текстоцентризма*, или изучения языка на текстовой основе. Введение в школьную программу понятия *текст* обусловило изменение акцентов в обучении родному языку и перенесение их с языкового образования на речевое развитие – важнейшую составную часть реализации личностно ориентированного обучения и неотъемлемую часть гуманитарного образования в целом.

Текст является основой создания развивающей речевой среды с высоким потенциалом. В тексте выявляются и исследуются закономерности русского языка, реализуется один из основных принципов усвоения родной речи – принцип оценки выразительности речи, который, по словам известного ученого XX в., профессора Л.П. Федоренко, обеспечивает усвоение не только смыслового содержания языковых единиц, но и понимание их выразительной (стилистической) функции [2]. Анализ текста является базой для формирования умений школьников создавать собственное высказывание в устной или письменной форме, а также для тренировки умения осуществлять все виды речевой деятельности.

Усвоение текста основано на его понимании, осознании смысла и внутренних связей в его содержании. В основе понимания лежит рефлексия, которая, с одной стороны, отражает уровень развития языковой личности, а с другой – способствует этому развитию.

Восприятие (понимание) текста зависит от объективных знаний и собственного опыта читателя. Поэтому не случайно, что одно и то же произведение, прочитанное человеком на разных этапах жизненного пути, воспринимается им по-разному. Будучи средством постижения внутренних связей в содержании текста, понимание рассматривается как движение к знанию в процессе чтения или слушания текста, определения темы, ведущей мысли высказывания.

Запоминая готовые речевые модели, школьники учатся употреблять их в речи, строить собственное высказывание. Такое обучение способствует сознательному, осмысленному отношению к системе языка, его нормам и категориям, правилам выбора нужной языковой единицы, позволяет наиболее эффективно проводить работу над всеми видами речевой деятельности в соответствии с возрастными этапами речевого развития и ведущей деятельностью учащихся – это путь от речевой деятельности к осмыслению и анализу языковых единиц в единстве их значения, формы и функции.

По теории закономерностей усвоения родной речи, в процессе анализа текста происходит развитие речетворческой системы ребенка: речедвигательной мускулатуры, интеллекта. Усваивая грамматический смысл языковой системы, понимая суть ее конструкции, размышляя над ее особенностями, ученик мыслит, представляет, воображает, т.е. тренирует интеллект, а значит, совершенствует его. В процессе восприятия текста развивается эмоциональная сфера мозга ученика, формируется умение чувствовать, переживать соответствующие эмоции, воспринимать эмоциональные коннотации. Наконец, анализ готового текста способствует развитию памяти, речевого чутья ребенка.

Таким образом, текст является не только дидактической единицей, средством обучения, но и ориентировочной основой для любого вида речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения, письма.

Работа по анализу текста предполагается как своеобразная исследовательская деятельность, позволяющая заложить в ребенке механизмы саморазвития, самовоспитания и другие, необходимые для становления личности качества, что соответствует принципам личностно ориентированного обучения. Учитель при таком подходе выступает не просто как источник учебной информации, а как координатор творческого учебного процесса, направляя самостоятельную деятельность учеников в нужное русло, учитывая при этом индивидуальные способности каждого обучаемого.

Таким образом, личностно ориентированное обучение рассматривается нами как средство, направленное на развитие креативности личности школьника, раскрытие его возможностей, становление самосознания, самореализации. Оно обеспечивает развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся, развивает их абстрактное мышление, память и воображение, формирует навыки самостоятельной учебной деятельности.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003.
2. Федоренко Л.П. Принципы и методы обучения русскому языку. М., 1964.

Н.Ю. Жукова

Принципы развития модального компонента речи младших школьников при изучении словообразования

Статья посвящена принципам развития модального компонента речи учащихся начальных классов при изучении словообразования. Обсуждаемая тема относится к области лингвометодики. В статье раскрывается сущность основных принципов методики развития модального компонента речи учащихся, а именно: функционального, экстралингвистического, коммуникативного, концентрического, а также принципов текстоцентричности, культуросообразности и межпредметной интеграции. Анализируются речевые ситуации, требующие использования словообразовательных средств модальности.

Ключевые слова: принципы развития модального компонента речи, словообразовательные средства модальности.

Для развития модального компонента речи учащихся¹ необходимо опираться на соответствующие принципы обучения, под которыми мы понимаем основные, исходные теоретические положения, определяющие выбор методов, приемов и средств обучения. Для преподавания русского языка такие принципы определены и достаточно широко представлены в ряде работ (М.Т. Баранов, Т.К. Донская, А.В. Дудников, М.Р. Львов, А.В. Текучев, Л.П. Федоренко и др.). Однако с появлением новых подходов и концепций обучения выдвигаются принципы, которые, наряду с уже имеющимися, определяют содержание обучения и в то же время отражают своеобразие и новизну предложенной методики.

Система развития модального компонента речи учащихся младших классов основывается на общедидактических принципах, опираясь на которые, мы обосновали специальные, определяющие концептуальные положения методики изучения словообразовательных средств языковой модальности.

¹ Под развитием модального компонента, вслед за А.Ю. Устиновым, мы понимаем «педагогически мотивированный процесс целенаправленного обогащения речи учащихся средствами формирования и выражения модальных значений, необходимыми для адекватного восприятия, а также создания речевых произведений (текстов) определенного модального содержания в соответствии с целями и условиями речевой деятельности» [4, с. 77].

Курс русского языка по предлагаемой методике строится прежде всего на функциональном принципе¹, заключающемся в показе функций языковых явлений. Он требует от учителя работы над двумя важными, находящимися в диалектическом единстве объектами – языком и речью. В XX столетии после открытия Фердинандом де Соссюром единства «язык – речь» в лингвистике установилось представление о языке как о двусторонней коммуникативной системе, в которой одной из ее сторон является система языковых единиц, объединенных в парадигмы, а другой – речь как реализация единиц языка в актах речевой деятельности. В трудах методистов XX в., школьных программах и учебниках отражен путь в школу концепции о единстве языка и речи. С позиций современного уровня развития научной методики преподавания русского языка сформулирована цель изучения разделов науки о языке: изучение основных особенностей единиц языка, ознакомление с их функционированием в речи. Отсюда – специально разработанные нами задания к упражнениям аналитического характера, например представленное ниже.

Прочитайте отрывок из рассказа М.А.Шолохова «Нахаленок». Определите, при помощи каких языковых средств писатель передает отношение матери, отца, деда и других героев рассказа к Мишке Коршунову.

Для отца он – Минька. Для матери – Минюшка. Для деда – в ласковую минуту – постреленыш, в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза – «Эй, Михайло Фомич!» А для всех остальных: для соседок – пересудок, для ребятишек, для всей стаицы – Мишка.

Методика развития модального компонента речи учащихся начальных классов опирается на принцип отражения внеязыкового содержания в модально-языковых единицах (*экстралингвистический принцип*). На базе указанного принципа происходит формирование мыслительных способностей на основе связей и отношений, устанавливающихся между единицами языка и предметами и явлениями окружающей действительности. Опора на принцип отражения внеязыкового содержания в языковых единицах позволяет решить одну из задач школьного курса русского языка – осознание языка как функционирующей системы и овладение модально-языковыми средствами в разных формах его проявления.

Важной также представляется реализация другого принципа – *структурно-семантического*, требующего рассмотрения языковых явлений с двух точек зрения: структуры (строения) и значения (смысла), которым

¹ Последовательность расположения принципов не указывает на приоритетность одних и периферийность других.

обладает данная языковая структура. Понимание значения как центральной, главной функции языковой единицы, осознание разных типов ее значения, использование в речи языковых единиц для выражения определенного смысла составляет содержание работы, направленной на развитие модального компонента речи младшего школьника. Например, при изучении уменьшительно-ласкательных суффиксов существительных слово учителя было таким: «Всем людям одинаково знакомы чувства печали и радости, удивления и разочарования. Как выражаются эти и многие другие чувства, которые испытывает человек? Чувства можно выражать разными способами, нас сегодня будет интересовать только один из них – суффиксальный. Русский язык отличается удивительным многообразием общеупотребительных слов, в которых выражены различные оценочные и эмоциональные состояния человека. Все эти слова являются вторичными и образуются при помощи суффиксов». Далее предлагалось задание.

Прочитайте сказку. Найдите в ней существительные с уменьшительно-ласкательными и увеличительными суффиксами. Определите для них первичные слова. Сравните по смыслу и составу пары ближайших однокоренных слов, которые вы нашли. Определите роль суффиксов.

Крохотный мышонок закрыл лапками бусинки-глазки.

– Что с тобой, серенький карапузик? – спросила мышь-мама.

– Т-там, т-там завелось чудище-человечище. Страшнющими глазницами, как молния, сверкает, злыми ручищами машет да на одной ноге, как журавль, пляшет. Страшно-о-о!

– Да, ведь это же наш первый друг – Пугалко. Он хоть и пугает, да сов отгоняет. Пока он с нами – спокойно можно зернышки да корешки грызть.

Осознание предназначенности языковых средств является важной предпосылкой осуществления коммуникативно ориентированного обучения русскому языку, которое, в свою очередь, позволяет более полно и убедительно раскрыть их функциональные возможности. В соответствии с этим положением одним из ведущих принципов развития модального компонента речи учащихся следует считать *коммуникативный*, который лежит в основе обучения родному языку на функциональной основе. Названный принцип имеет ряд особенностей. Прежде всего коммуникативность характеризует выдвижение в качестве важнейшей цели обучения формирование умений и навыков речевого общения. Важно, что путь к ее достижению лежит через практическое использование языка. Другими словами, «практическая направленность – это не только цель, но и средство» [1, с. 42]. Для формирования навыков речевого общения в процессе обучения создаются условия, при которых возникает

необходимость общения, потребность в нем. Реализуется данный принцип через использование ситуативных упражнений, которые рассчитаны на самостоятельное создание текста с использованием изучаемых словообразовательных средств. Применяются задания, в которых очерчиваются обстоятельства, естественно вызывающие употребление данных явлений языка. Обычно упражнение начинается так: «Представь себе ...», «Расскажи, чтобы поверили ...», «Выскажи свое мнение ...». Далее определяется подходящая для данного случая ситуация, которую ученик представит в своем воображении, например, «Представьте себе, что вы совершили космическое путешествие и оказались на планете, где живут крохотные человечки. Какие предметы вы видите? Опишите их. Подчеркните имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами».

В основе развития модального компонента речи младших школьников лежит *концентрический принцип* изучения модальных смыслов, суть которого в многократном целенаправленном возвращении к одному и тому же модальному смыслу на разных этапах обучения с учетом как общей стратегии изучения модального смысла по классам, так и с учетом его «индивидуального языка». В таблице 1 представлена последовательность ознакомления учащихся со словообразовательными средствами формирования модального смысла уменьшительности и ласкательности¹.

Таблица 1

Класс	Тема программного материала	Языковой материал
2	Значения суффиксов	-еньк-, -оньк-, -ок-, -ёк-, -ик-, -ек-, -чик-, -очк-, -ечк-, -оват-, -еват-, -ушк-, -юшк-, -к-, -ышк-
	Учимся писать суффиксы -ек-, -ик-	-ек-, -ик-
3	Вспоминаем правописание суффиксов	-еньк-, -оньк-, -ок-, -ёк-, -ик-, -ек-, -чик-, -очк-, -ечк-, -оват-, -еват-
	РР Учимся писать письма	Обращение с уменьшительно-ласкательными суффиксами (мамочка)
	Учимся писать суффикс -ок-, -ек- в именах существительных	-ок-, -ек-
	Учимся писать суффиксы -ец-, -иц- и сочетания -ичк-, -ечк-	-ец-, -иц-, -ичк-, -ечк-
	Учимся писать сочетания -инк-, -енк-	Вершинка, сосенка

¹ Планирование построено на основе учебников русского языка для 2–4 классов под ред. Н.Ф. Виноградовой (Проект «Начальная школа XXI века»).

Названные выше принципы обязывают строить систему на текстах, требуют изучения особенностей функционирования языковых явлений в зависимости от цели высказывания, стиля и типа речи. Обзор взглядов на модальность как текстовую категорию (И.Р. Гальперин, В.Н. Мещеряков и др.) позволил обосновать принцип, на котором построена наша методика, – *принцип текстоцентричности*. Он обеспечивает на основе текста изучение единиц языка в единстве их значения и структуры и дает возможность осознания сущностных признаков единиц с их функциональными возможностями. Текст позволяет более полно осознать не только основные модальные возможности языковых единиц, но и те, которые проявляются только в структуре текста, – текстообразующие функции. Под последними понимают «их способность участвовать в создании текста, их способность строить текст, связывать воедино все его части и отдельные предложения с учетом коммуникативного намерения, цельного смысла, общего замысла – всех факторов, обуславливающих его создание или интерпретацию» [3, с. 125].

Так, мы предлагали учащимся следующее задание.

Прочитайте отрывок из рассказа М.А. Шолохова «Нахаленок». Определите основную мысль. Какие суффиксы для этого писатель использует?

Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были как лепестки цветущего подсолнечника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка – глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на нараставшие крупинки речного льда.

Задача развития у младших школьников модального компонента речи может быть решена, если в основу всей работы будет положен *когнитивный принцип*. Знание, как известно, является результатом познавательного процесса. Выделяя когнитивный принцип как самостоятельный, мы делаем особый акцент на учете закономерностей познавательного процесса при изучении словообразовательных средств формирования и выражения модальных значений. Образование лингвистического знания происходит всегда по определенной схеме: конкретный опыт (учащемуся предъявляется лингвистическое явление в его функционировании), наблюдение-рефлексия, абстрактная концептуализация (формирование первичного представления о лингвистическом явлении), эксперимент (первые попытки его употребления в речи), коррекция выводов. Следовательно, формирование представлений о языковых средствах модальности осуществляется в естественном порядке.

Необходимо также усвоить выразительную функцию словообразовательных средств модальности. Особенно богат арсенал подобных средств разговорно-бытовой, художественной и публицистической речи. Поэтому данная работа должна строиться, как убедительно доказала Л.П. Федоренко, на основе *принципа выразительности речи*. «Следование этому принципу предполагает такой отбор дидактического материала и приемов его изучения, которые бы... развили способность осознавать эмоциональные и смысловые тонкости текста» [5, с. 32]. С этой целью использовались такие упражнения, как наблюдение над текстом, содержащим словообразовательные модально-языковые единицы. Например, в данном тексте от учащихся требовалось выделить существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, определить их роль, а затем выразительно прочитать текст.

Золотой дождь

Все лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щечки, спинки и животики. И до того налились и пропитались они солнцем, что к осени стали как солнышко – багряными и золотыми. Полетели листочки иволгами по ветру. Запрыгали они белками по сучкам. Понеслись куницами по земле. Зашумел в лесу золотой дождь.

Н.Сладков

Принцип культуросообразности приобретает особую актуальность в связи с тем, что средства модальности помогают осознать язык как форму выражения национальной культуры и выявить национально-культурную специфику русского языка, т.е. формировать культуроведческую компетенцию. Развитие модального компонента речи учащихся осуществляется в контексте культуры и предполагает не только усвоение знаний и умений, но и создание установки на восприимчивость к культуре, формирование эмоционально-ценностного отношения к миру, поскольку формировать нравственную личность можно, только «ориентируясь на культурные – они же общечеловеческие – ценности» [2, с. 94].

Пример задания.

Восстановите текст, вставив пропущенные слова (см. слова для справок).

Тихий дом, дружные соседи, мир, уют и покой ... И вдруг появляется здесь _____ по имени Василий. Имя солидное, и маленькому _____ с расползающимися по полу _____ явно не подходит. Но это только до поры до времени.

Прошло несколько лет. _____ вырос в огромного _____ и на _____ держится уверенно. Стал хозяином квартиры.

На беду, моя мама – большой любитель животных, просто второй Дж. Даррэл. Она не может пройти мимо голодной _____: обязательно принесет домой. Василий не выносит такого посягательства на его территорию. Он бурно протестует! И в конце концов исцарапанную _____ приходится спасать от когтей и зубов домашнего тигра.

Но, как говорится, любовь зла. И случилось чудо. Один малюсенький лохматый _____ приглянулся грозному Василию. Не страшная _____ заносилась над безобидной _____, а ласковая _____ наклонялась над ней и начинала облизывать.

Слова для справок: котенок – котище, зверек – зверь, лапки – лапы, собака – собачонка – щенок, морда – мордашка.

Принцип культуросообразности предопределяет и актуальность принципа межпредметной интеграции, который обуславливает ориентацию развития модального компонента речи учащихся на обеспечение единства содержания школьного образования в целом. Родной язык занимает в содержании начального образования особое место, поскольку является универсальным средством познания, т.е. формирования и существования знаний о мире, а также овладения этими знаниями, а языковая картина мира, как известно, предшествует любой науке – математической, физической, биологической и т.д. Именно это положение делает принцип межпредметной интеграции одним из важнейших принципов развития модального компонента речи учащихся. Его выделение обусловлено ведущей ролью языка в овладении всеми школьными дисциплинами. Реализация этого принципа проявляется прежде всего в содружестве русского языка и литературного чтения и рассматривается как источник развития модального компонента речи учащихся. Это предполагает целенаправленное формирование отношения к художественной литературе как к средству познания модальных возможностей языка, развитие потребности и готовности понимать выраженные словом модальные смыслы. Приведем пример. В курсе русского языка при изучении суффиксов существительных и прилагательных перечисляются их основные значения, приводятся правила правописания. В курсе литературного чтения это языковое явление рассматривается как выразительное средство. Например, анализируя рассказ Б. Заходера «Серая Звездочка», учитель обращает внимание на суффиксы, которые помогают автору выразить свое отношение к героям (*Серая Звездочка, синишка, папочка, Скворушка, пушистенный мой*). Отметим при этом: в процессе интеграции содержательных компонентов одна и та же информация не просто повторяется, а характеризуется новым подходом, адаптированным к требованиям и особенностям дисциплины, т.е. трансформируется.

Библиографический список

1. Быстрова Е.А. Коммуникативная методика в преподавании родного языка // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 42–48.
2. Зинченко В.П. Образование. Мышление. Культура // Новое педагогическое мышление / Под ред. В. Петровского. М., 1989. С. 90–102.
3. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе. М., 1998.
4. Устинов А.Ю. Развитие модального компонента речи учащихся: функционально-семантический подход: Монография. М., 2008.
5. Федоренко Л.П. Принципы обучения русскому языку. М., 1973.

О.А. Лазарева

Лексическое знание в процессе обучения иностранных студентов русской лексике: структура и форма репрезентации

Лексическое знание в процессе обучения русской лексике может быть представлено как знание более высокого уровня, демонстрирующего связь лексических единиц с понятиями, концептами, и может рассматриваться как совокупность компонентов: как взаимосвязь элементарного (первоначального) лексического знания, системного лексического знания и концептуального лексического знания, которые репрезентируются в слове – важнейшей структурно-семантической единице языка.

Ключевые слова: лексическое знание, элементарное лексическое знание, системное лексическое знание, концептуальное лексическое знание, обучение русской лексике.

Современная система образования, в том числе обучение иностранным языкам, находится на новом этапе развития, который характеризуется интересом к личности. Неслучайно поэтому в последнее время исследования методистов направлены на формирование языковой личности

в условиях многоязычия. Прежде всего, это связано с компетентностным подходом в обучении, рассматривающим базовые компетенции, которыми должна владеть личность, и с коммуникативно-деятельностным подходом в обучении русскому языку как иностранному, который направлен на формирование коммуникативной компетенции как способности общения. Данные подходы необходимо рассматривать в личностно-ориентированной парадигме, которая включает не только владение способами деятельности, но и владение знаниями. Именно знания обуславливают более высокое качество коммуникации. При формировании ценностных установок необходимо учитывать более широкий спектр явлений, качеств, свойств, которые современные преподаватели должны формировать.

В методике обучения иностранным языкам существуют различные варианты личностно-ориентированного подхода, которые ставят учащегося в центр обучения [7; 13]. Интерес к личности учащегося предполагает его непрерывное образование, комплексное обучение, всестороннее воспитание, и мы не должны останавливаться на уровне его «ближайшего развития» [6]. При обучении языку главным должны быть методически обработанные представления об «идеальном» учащемся, о современном представлении о концептуализированной языковой личности.

О проблемах языковой личности писали давно, начиная с 80-х гг. XX в. (впервые определил этот термин В.В. Виноградов, далее – Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева и др.). Из всех существующих моделей языковой личности наиболее представительной является трехуровневая структура языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым: нулевой (вербально-семантический) уровень, лингвокогнитивный (тезаурусный), прагматический (мотивационный) [16]. Это соотносится с антропоцентрическим подходом, который позволяет рассматривать личность как объект изучения и обучения, воспринимающий через иностранный язык языковую и концептуальную картины мира. В системе языковой личности некоторые исследователи выделяют сферу морально-нравственных интенций, мотивов и потребностей, желаний, интересов и стремлений, под системообразующим воздействием которых лингвокогнитивный и вербально-семантический уровни строения языковой личности приобретают способность функционировать на высшем, личностном уровне [33]. Все ученые, разрабатывающие эти проблемы, подчеркивают, что уже на лингвокогнитивном, тезаурусном уровне функционирования слово и знание (знак и значение), слово и образ (концепт) связаны самым тесным образом.

Можно предположить, что существующая методика обучения русскому языку на современном этапе своего развития останавливается

именно на вербально-семантическом уровне – нулевом уровне языковой личности, с небольшими «вкраплениями» системного подхода к описанию лексических единиц. Это доказывает анализ существующих учебных программ, которые в большинстве случаев определяют только фонетический, фактический лексический и грамматический материал, иногда включая некоторые необходимые синонимы и антонимы, описывают темы, стандартные ситуации общения, интенции, изредка отмечают национально-культурную и страноведческую специфику лексических и грамматических единиц.

Вероятно, уже на самых низших уровнях владения языком можно формировать не только умения владеть лексико-грамматическим материалом, но и формировать механизмы более высокого уровня владения языком. Они должны быть связаны с более глубоким осознанием лексико-семантической системы языка, с пониманием взаимосвязи лексических единиц.

Прежде всего, это означает понимание языкового знания (в данном случае лексического) как знания более высокого уровня, демонстрирующего связь лексических единиц с понятиями, концептами, проявление на иностранном языке знаний о мире, которые частично сформированы на родном. Обычно лексические знания сформированы бессистемно, т.к. учащийся знает слово, но часто не может правильно употребить его в нужном значении, словосочетании, предложении. Новое лексическое знание необходимо включать в определенную систему, основные положения формирования которой рассматриваются в данной статье.

В методической литературе среди основных факторов, которые определяют значимость когнитивных теорий для преподавания, отмечают, в том числе, активную роль учащегося в обучении, понимание индивидуальных особенностей учащихся, установление стилей обучения [14], а также знания родного языка, внематерингвистические глобальные знания о мире, иными словами, «предыдущие знания и предыдущий опыт учащегося» [1, с. 184]. Именно знание как целостная интегративная структура, включающая взаимосвязанные типы знаний, «предопределяет наше поведение и помогает интерпретировать новый опыт через накопленный старый» [21, с. 358].

И знания, и представления, которыми обладает каждая языковая личность, ученые выделяют в когнитивные пространства, что дает основание для методической интерпретации некоторых положений. «Индивидуально-когнитивное пространство (ИКП) – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий; коллективное когнитивное пространство (ККП) – определенным образом структури-

рованная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все личности, входящие в тот или иной социум; когнитивная база (КБ) – определенным образом структурированная совокупность *обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений* того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [20, с. 45]. Таким образом, когнитивная база как совокупность знаний и представлений может быть описана с учетом потребностей учащегося и формирования языковой личности на другом языке.

Вопрос об учете знаний в обучении иностранному языку рассматривался неоднократно [2; 4; 8; 23; 24; 34]. Под знаниями в обучении понимают «основные закономерности предметной области, позволяющие человеку решать конкретные производственные, научные и другие задачи, то есть факты, понятия, суждения, образы, взаимосвязи, оценки, правила, алгоритмы, эвристики, а также стратегии принятия решений в этой области» [31, с. 72]. Определяются основные свойства знаний: структурируемость (наличие связей, характеризующих степень осмысления и выявленность основных закономерностей и принципов, действующих в данной предметной области), интерпретируемость (обуславливается содержанием, или семантикой, знаний и способами их использования), связность (наличие ситуативных отношений между элементами знаний – тематические, семантические, функциональные), активность (способность порождать новые знания – обуславливается побуждением человека быть познавательно активным) [11, с. 102].

Обобщая предыдущий методический опыт (работы методистов 1930–60-х гг., теории Е.И. Пассова и С.Ф. Шатилова,) и опираясь на исследования А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева, Л.В. Московкин рассматривает проблему формирования речевых навыков и умений сквозь призму обучения знаниям и констатирует: «оказывается, что языковые знания (теоретические и практические, явные и интуитивные) играют в речевой деятельности и в процессе обучения языку важную роль: они обеспечивают формирование речевых навыков в процессе обучения иностранному языку, а также их функционирование в процессе речевой деятельности. Так, например, самоконтроль выполнения речевых операций осуществляется при помощи языковых знаний» [25, с. 247]. Автор обращает наше внимание на необходимость формирования предметного знания в разных сферах общения.

Проблемам соотношений различных типов знаний применительно к обучению и овладению вторым языком посвящены многочисленные

работы зарубежных лингвистов и методистов. Многие авторы выделяют декларативные знания (*declarative knowledge*), эксплицитные и имплицитные (*explicit/implicit knowledge*), содержательные или концептуальные (*content or conceptual knowledge*), стратегические или процедуральные (*strategic or procedural knowledge*), при рассмотрении структуры знания – знания как теория (*knowledge-as-theory*), другими словами, теоретические знания и знания как элементы (*knowledge-as-elements*), т.е. практические [35–37]. Несмотря на полярные точки зрения, все авторы отмечают обязательные условия для успешного обучения: наличие у учащихся высокой мотивации, внимательность и чувство ответственности за обучение.

В издании в рамках деятельностного подхода «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» рассматривают компетенции, которые понимаются как «сумма знаний, умений и личностных качеств, которые позволяют человеку совершать различные действия» [27, с. 8]. Знания в понимании авторов монографии – это декларативные знания (*savoir*) и, прежде всего, знания о мире, включающие сведения страноведческого характера; социокультурные знания, которые хоть и представляют собой составную часть общих знаний о мире, но являются принципиально новыми для изучающих иностранный язык, а также межкультурные знания.

Известно высказывание Платона о том, что «Познание слов ведет к познанию предметов», а значит, мы можем, обучая словам, представленным в концептуальной, понятийной целостности, помочь учащемуся понимать, интерпретировать и продуцировать речь на иностранном языке.

Описывая организацию и хранение знаний в голове человека, Е.С. Кубрякова, опираясь на теорию МакШейна, отмечает, что именно «слова являются названиями, ярлыками концептов» [21, с. 357]. Наличие слова, по мнению когнитивистов, служит показателем и доказательством его осознания человеком, а его репрезентация, в свою очередь, есть доказательство того, что концепт представлен и с ним можно производить различные действия. Результаты процесса номинации проецируются в память и организуют внутренний лексикон человека [Там же]. Эти положения когнитивной лингвистики особенно важно учитывать при обучении лексике иностранного (в данном случае русского как иностранного) языка.

Рассматривая проблему актуализации знания во втором языке, Л.В. Екшембеева обращается к триединству системы «язык – сознание – культура» [10]. Она отмечает, что именно «сознание обрабатывает информацию, поступающую извне посредством языка, актуализирует

и превращает ее в личностное знание индивида через процедуры обучения» [10, с. 407]. Основой является включение нового знания в концептуальную, уже имеющуюся когнитивную систему студента – получателя нового знания. «Опора на когнитивную природу усвоения знания закладывает потенциальную возможность трансформаций при индивидуализации обучения и определяет выбор форм, средств, методов и темпов, адекватных условиям обучения» [Там же].

Лексическое знание, которое, наряду с фонологическим, грамматическим, синтаксическим, входит в состав языкового, связано с характеристиками слова как единицы языка, оно пронизывает все уровни языковой системы и выходит на уровень текста.

Использование *лексических знаний* методисты рассматривают как необходимую составную часть учебного процесса усвоения лексики, пишут о необходимости владения способами осознанного их применения и выделяют *основные* лексические умения («неотъемлемые компоненты речевой деятельности, подлежащие автоматизации») и *вспомогательные* (среди которых особым образом выделяются умения «создавать категориальные понятия на уровне лексики» [9, с. 327–343].

Можно предположить, что современное определение лексического знания в процессе обучения русской лексике может быть представлено на более высоком уровне как совокупность компонентов в иерархическом построении и неразрывном единстве. Эту совокупность мы условно называем: *элементарное* (первоначальное) лексическое знание, *системное* лексическое знание и *концептуальное* лексическое знание.

Элементарное лексическое знание – это знание первого порядка (от лат. *elementarius*) – первоначальный, простейший, основной [29, с. 1553]. *Элементарное лексическое знание* – это знание конкретной лексической единицы, знание значения конкретного лексико-семантического варианта, знание формы слова (фонетический, графический, грамматический, морфологический, словообразовательный, лексический, семантический, синтаксический ярусы языка). Это знание, формируемое на вербально-семантическом уровне языковой личности.

Лексическое знание второго порядка учитывает более широкую связь с другими словами в лексико-семантической системе языка. Это уже знания не только семантики, но и тонкостей парадигматических взаимоотношений лексических единиц (синонимов, антонимов, паронимов, омонимов, таронимов), знания, дополненные национально-культурными смыслами. В то же время современные лексические минимумы, например, построены по алфавитному принципу, что не позволяет просматривать связь слова с другими словами. Именно системность – важнейшая

характеристика данного компонента лексического знания. Условно этот компонент лексического значения мы называем *системное лексическое знание* (от греч. *systema* – целое, составленное из частей; соединение), когда множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образуют определенную целостность, единство [29, с. 1215], в данном случае речь идет о лексике как системе. Данный компонент лексического знания – это особая разновидность лексического знания, которая занимает промежуточное положение между элементарным и концептуальным знанием.

Лексическое знание третьего порядка связано с концептуальным представлением образа мира, когда каждая лексическая единица упорядочивается в соответствии со своим местом в языковой концептуализированной картине мира. Разработчики лексических минимумов отмечают насущную необходимость описания русской когнитивной базы [3]. Условно мы называем данный компонент лексического знания *концептуальное лексическое знание* (от лат. *conceptus* – понятие) как знание содержательного, значения имени понятия [29, с. 625]. Представленная сложным образом данная разновидность лексического знания соотносится с лингвокогнитивным и прагматическим уровнями языковой личности. Этот компонент базируется на элементарном лексическом знании, включает в свою структуру системное лексическое знание и сам является целостной структурой, порождающей и аккумулирующей перечисленные разновидности лексического знания.

Например, при изучении лексики тематической группы «Человек. Портрет. Характер» лексическая единица *гостеприимный* подается изолированно. Ее семантическая формула значения связана с прозрачной словообразовательной моделью – человек, который любит принимать гостей. Показ однокоренного (часто скрытого для иностранца) глагола *угощать* позволяет развернуть ситуацию «прием гостей» через называние характеристик человека, который любит принимать гостей. Такой человек открыт для общения, готовит много еды – он *общительный, щедрый, внимательный, заботливый, радушный, хлебосольный*. Включение в этот ряд лингвокультуры *хлебосольный* поднимает иностранца на более высокий уровень восприятия лексической единицы. Это уже не простое знание значения лексической единицы, а системное (знание контекстуальных, ситуативных синонимов) и концептуальное «хлеб – всему голова» восприятие лексики.

Таким образом, лексическое знание, формируемое на иностранном (в данном случае русском) языке, можно представить в виде иерархического построения и в неразрывном единстве. Его можно теоретически

описать с учетом структуры нового понимания лексического знания, на основе чего представляется возможным разработать принципы обучения лексическому знанию в практике преподавания русского языка как иностранного.

Термин *концептуальное лексическое знание* применительно к обучению языку можно определить как лексическое знание высшего порядка, являющееся результатом концептуального, понятийного отражения действительности, воспринимаемое и выражаемое на иностранном (в данном случае русском) языке. Такое знание может проявляться как осмысление, узнавание, понимание и выражение через язык связанных с основными концептами понятий.

Описывая модель лингвокультурного сознания, Ю.Н. Караулов рассматривает ориентированный на сферу знаний когнайзер, который представляет собой «объект динамического характера, функционирование которого результируется постоянным приращением смыслов, ростом входящих в него специфических единиц *знаний*, т.е. процессами *осознавания* и *познавания*, формирующими, в свою очередь, языковое *сознание* носителя языка – культуры – русской языковой личности» [17, с. 4]. Создание когнайзера, выполненное на пересечении многих отраслей наук, чрезвычайно привлекательно для теории и практики преподавания русского языка как иностранного, т.к. становится возможным применить многие положения данной концепции при обучении русскому языку иностранных учащихся. Это касается, прежде всего, возможности формирования четкого упорядоченного иерархического строения определенного – *концептуального лексического знания* – в языковом сознании иностранцев в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Как модель лингвокультурного сознания русской языковой личности когнайзер поддается лексикографическому описанию, и, по мнению Ю.Н. Караулова, в основе описания лежит не лексико-семантический уровень языка, а уровень когнитивный, что позволяет воссоздать в словаре человека языковую картину мира. Заметим, что для преподавания русского языка как иностранного важным остается также и лексико-семантический уровень.

Начиная изучать иностранный язык, учащийся имеет сложившуюся (на родном языке) или находящуюся в процессе формирования (на иностранном языке) систему сведений о мире и, выбирая способ освоения познаваемого мира (= изучая иностранный язык), запоминая определенную сумму знаний, учится пользоваться своими знаниями. В этом процессе не обойтись без помощи преподавателя, который должен владеть способами передачи знаний о мире, помогать в запоминании достаточного для осу-

ществления общения лексического, грамматического, интенционального минимума, владеть когнитивными стратегиями – методиками формирования «когнитивных установок» [15, с. 227] у учащегося, т.е. средствами «для интериоризации или автоматизации знания языка» [12, с. 78].

«Когнитивные установки» предполагают когнитивное развитие изучающего иностранный язык, а значит, возможно, опираясь на выделенные для русской языковой личности концепты, определить структуру и состав значимых в русской лингвокультуре концептов и, используя определенные когнитивные стратегии в обучении, научить иностранцев, изучающих русский язык, построению (моделированию) основных концептов

Опираясь на концепцию Ю.Н. Караулова, можно попытаться доказать, что формирование лексического знания происходит поэтапно.

Вначале происходит формирование *элементарного* лексического знания. Затем при переходе лексико-семантической единицы в статус «элементарной единицы знания» происходит качественное изменение этого знания, которое становится готовым для преобразования в *системное* лексическое. В этом помогает учет системности парадигматических отношений в лексико-семантической системе русского языка.

Сформированное на этом рубеже лексическое знание проходит через ряд этапов функционирования к образу мира. Возможным становится выявление основных характеристик вербального выражения понятий, что является важным при обучении *концептуальному* лексическому знанию. На этом этапе происходит параллельное развитие и формирование двух типов лексического знания (*элементарного* и *системного*), которые ведут к получению полноценного *концептуального* лексического знания.

Рассмотрим основные этапы формирования *концептуального* лексического знания.

Знания о мире представлены в конкретных лексических единицах. Через познание новой для изучающих иностранный язык действительности приходит и новое знание, которое закрепляется в словах. Рассматривая слово как форму репрезентации лексического знания, преподавателю необходимо помнить о том, что слово объединяет в себе лексическое и грамматическое значения, но при описании лексики основной является проблема лексического значения слова.

«Лексическое значение слова – сложная структура, определяемая общими свойствами слова как знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой. В собственно-семантическом смысле в структуре лексического значения слова выделяется два аспекта: сигнификативный и денотативный. К ним присоединяют и внутреннюю форму слова. Прагматический аспект включает экспрессивно-эмоциональную оценку и разнообраз-

разные коннотации. В целом лексическое значение слова определяется как совокупность понятийного ядра и прагматических коннотаций» [22, с. 261–262]. В этом определении мы можем четко увидеть, как соотносятся элементарное, системное и концептуальное лексическое знание.

Лексическое значение слова определяется его соотносительностью с соответствующим понятием на основе выделения существенных семантических признаков при противопоставлении различных слов друг другу. В этом – неразрывная связь всех разновидностей лексического знания, формируемого у иностранного учащегося.

Как известно, значение слова определяется взаимосвязью его парадигматических и синтагматических отношений, и это положение обязывает методистов учитывать существующие парадигматические и синтагматические связи слов. Но дело в том, что на уроке учащиеся часто получают от преподавателя готовые инструкции и не всегда способны сами использовать семантический потенциал слова во всей полноте.

Значение слова не является однородным, в нем выделяется целый ряд компонентов разной степени сложности (сигнификативное, структурное – синтагматическое и парадигматическое (*valeur* у Ф. де Соссюра), прагматическое / эмотивное, денотативное значения у Л.А. Новикова [26, с. 183]. Семантическое единство компонентов должно быть учтено при семантизации лексики. Известно, что, например, объяснение слова «стол» может происходить при помощи перевода, наглядной семантизации, а может быть введено в словарь учащегося вместе с другими словами, называющими предметы мебели (стол, стул). Одновременное наличие в одном ряду слов *стол, тарелка, ложка, хлеб, борщ, сметана* вызывает у учащегося ассоциацию с ситуацией обеда (*обеденный стол*), а *стол, бумага, ручка, компьютер, книга* позволяет говорить о *письменном столе*. Таким образом, учет реальных значений слова помогает активизировать употребление лексических единиц. В этом также видна неразрывная связь элементарного лексического знания с системным.

Это же положение касается фраз, предложений, т.к. значение каждого выражения определяется через его семантические отношения с другими выражениями, где также выделяются четыре (денотативный, сигнификативный, прагматический, синтаксический) семантических слоя (семантический слой – термин Б. Ю. Городецкого [18, с. 50–69]. Одно из направлений современной лингвистической семантики – так называемая слабая семантика – считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека [Там же, с. 25–29], а значит, находит свое отражение в процессе формирования концептуального лексического знания.

«Постигая второй язык, человек вынужден “распредмечивать” иной общественно-исторический национальный опыт, который в нем аккумулярован, реорганизовывать свой способ видеть мир вещей, событий, фактов и, соответственно, воспринимать, усваивать нужные для этого звуки, слова, словосочетания, синтаксические модели» [19, с. 61]. Именно возможность выделения нескольких разных слоев смысла расширяет объем сведений о лексеме, что в большой степени формирует языковую компетенцию говорящих.

Значение в исследованиях последних лет рассматривается как когнитивная, основная познавательная единица, формирующая образ мира человека. Основой в формировании образа мира иностранца, изучающего русский язык (концептуальное лексическое знание), становится конкретное выражение конкретного лексического значения (элементарное лексическое знание), проявляемое в тесной связи с другими словами (системное лексическое знание), т.к. использование точного значения слова особенно важно для понимания и говорения.

Значение лексической единицы представляет собой множество сем, каждая из которых соотносится с определенным элементом контекста, имеет свою степень выраженности [28]. Что понимание этого дает преподавателю? Именно с помощью сем описываются сходства и различия лексических единиц, осуществляется их отождествление и противопоставление. В этом прослеживается непосредственная связь элементарного лексического знания с системным лексическим. Часто (особенно на высших уровнях владения русским языком как иностранным) только знание результатов семного анализа позволяет иностранцу выразить не просто свое предпочтение в выборе той или иной лексической единицы, а продемонстрировать подлинное владение языком. Например, в субтесте «Говорение» есть задание, где кандидат, сдающий тест, должен выполнить без подготовки следующее задание.

Задание 1–4. Прослушайте реплики, возразите, используя антонимы к слову «мягкий».

1. *У нее, по-моему, слишком уж мягкий характер.* 2. *В Крыму, говорят, мягкая вода.* 3. *У нее мягкие черты лица.* 4. *В Сибири мягкий климат.* [30].

Отвечающему необходимо в максимально короткое время вспомнить все возможные варианты антонимов к слову «мягкий»: *суровый / твердый / жесткий характер, жесткая вода, резкие / грубые черты лица, суровый климат.* Совершенно определено, что этому надо учить, для чего преподавателю нужны теоретические сведения о семантике и лексическом значении слова.

Структура целостного лексического знания неоднородна. Оно базируется на элементарном лексическом знании, в его состав входит системное лексическое, в свою очередь, тесно пересекающееся с элементарным лексическим. Дополняет иерархию концептуальное лексическое знание. Таким образом, новое лексическое знание представляет собой иерархическую и целостную структуру.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2008.
2. Андреевская-Левенстерн Л.С., Михайлова О.Э. Методика преподавания французского языка в школе. М., 1958.
3. Андрушина Н.П. Уровни владения русским языком как иностранным: проблема описания языкового материала // Русский язык и литература во времени и пространстве: Материалы XII конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай, 2011. Т. 3. С. 43–49.
4. Бергман Н.А. Методика преподавания немецкого языка в 5–7 классах. М., 1951.
5. Богин Г.И. Концепция языковой личности. М., 1982.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь: Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2.
7. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М., 1984.
8. Грузинская И.А. Методика преподавания английского языка в средней школе. М., 1938.
9. Гурвич П.Б., Кудряшов Ю.А. Лексические умения, обуславливающие говорение на иностранном языке, и основные линии их развития // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. Леонтьев А.А. М., 1991. С. 327–343.
10. Екшембеева Л.В. Актуализация знания во втором языке // Русский язык и литература во времени и пространстве. Материалы XII конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Шанхай, 2011. Т. 3. С. 407–411.
11. Есина Е.В. Педагогическая психология. Конспект лекций. М., 2008.
12. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2007.
13. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). М., 1989.
14. Каган О.Е. Теория и практика написания личностно-ориентированного учебника русского языка как иностранного: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
15. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
17. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009.

18. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
19. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. «...пока не забывает родного» // Русский язык за рубежом. 1982. № 3. С. 60–64.
20. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
21. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
22. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
23. Львов М.Р. Общие вопросы методики русского языка. М., 1983.
24. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку. М., 1990.
25. Московкин Л.В. О роли знаний в речевой деятельности и в процессе обучения языку // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. СПб., 2011. С. 246–248.
26. Новиков Л.А. Современный русский язык. М., 1999.
27. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы. М., 2005.
28. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1990.
29. Советский энциклопедический словарь // Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1988.
30. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение. Аверьянова Г.Н., Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н. и др. М.; СПб., 2000.
31. Ткачева М.С. Педагогическая психология: Конспект лекций. М., 2008.
32. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
33. Хитрик К.Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале иранской ветви индоевропейских языков): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001.
34. Цетлин В.С. Знания, умения и навыки в обучении иностранным языкам // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. А.А. Леонтьев. М., 1991. С. 38–43.
35. Ellis R. Learning and Teaching grammar // Language Teaching and Testing / Series Editor: Rod Ellis. China, 2010.
36. Gökhan Ö., Douglas C.B. An Overview of Conceptual Change // Theories Eurasia Journal of Mathematics, Science & Technology Education. 2007. № 3(4). S. 351–361
37. Perkins D., Jay E., & Tishman, S. 1993. New conceptions of thinking: From ontology to education // Educational Psychologist. № 28. S. 67–85.

Международный форум «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира»

* * *

6–8 декабря 2011 г. в МГГУ им. М.А. Шолохова состоялся Международный форум «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира». В рамках форума были проведены две конференции: III Международная научно-методическая конференция «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира» и Межрегиональная конференция «Русский язык как средство интеграции народов и культур России».

На форуме присутствовали более ста специалистов из разных городов России (Ставрополя, Дербента, Уфы, Грозного, Калуги, Читы, Мурманска, Воронежа, Анапы, Саранска, Сыктывкара, Санкт-Петербурга, Ростова, Нижнего Новгорода, Владикавказа, Урюпинска, Чебоксар), а также из стран СНГ (Украины, Беларуси, Казахстана) ближнего (Молдовы, Армении, Азербайджана, Грузии) и дальнего зарубежья (Франции, Японии, Польши, Ирана, Болгарии, Литвы, Турции, Словакии).

Участников конференции приветствовали ректор МГГУ им. М.А. Шолохова, доктор политических наук, профессор В.Д. Нечаев, проректор по научной работе, кандидат физико-математических наук, профессор С.Д. Трайтак, декан филологического факультета, доктор филологических наук, профессор Н.Д. Котовчихина.

В рамках форума был представлен ряд новейших проектов в области изучения русского языка, его популяризации и методики преподавания. Профессор Р.Б. Сабаткоев осветил актуальную проблему этнолингвистической витальности. Профессор Т.М. Воителева представила программу

подготовки педагогических кадров и повышения квалификации специалистов и преподавателей русского языка как неродного в образовательных учреждениях разных видов.

На форуме состоялась презентация Федерального проекта «Концепция празднования дня русского языка. План проведения мероприятий в рамках празднования Дня русского языка в 2012 г.».

Помимо вышеуказанных на пленарных и секционных заседаниях обсуждался самый широкий круг вопросов: роль русского языка в укреплении межнациональных связей РФ, анализ социокультурной ситуации в РФ и странах ближнего зарубежья, проблемы межкультурной коммуникации, социолингвистические вопросы функционирования русского языка в современном мире, русский язык и литература в системе среднего и высшего образования в РФ и за рубежом и др.

В заключение мероприятия участники выразили благодарность нашему вузу за безупречную организацию и за предоставленную возможность встретиться с коллегами, выступить с докладами, обменяться научными идеями.

Подводя итоги работы форума, участники единодушно высказали пожелание проводить его ежегодно и расширить сферу научного общения.

*Полякова С.В.,
кандидат филологических наук, доцент*

* * *

Самая актуальная проблема в 16–18 лет – поступление. Закончу я школу, и что дальше? Допустим, на кого учиться – я уже определилась, а вот где этому учат?.. Порой определиться с вузом бывает куда сложнее, чем определиться со специальностью. Всегда хочется побольше узнать о возможном будущем месте учебы, так сказать, изнутри. Но как? Кроме Дня открытых дверей, иных возможностей нет.

И вот, просматривая сайт МГГУ им М.А. Шолохова, мне в глаза бросилось объявление о Международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира». Кажется, это весьма любопытно. Позвонила на факультет, спросила, можно ли прийти? Странно, но меня радушно пригласили.

И вот я, абитуриентка, впервые участвую в мероприятии такого масштаба – совершенно другое качество общения. И на возраст никто не обращал внимания, все были коллегами, любителями и ревнителями русского языка, стремящимися сохранить это универсальное чудо – язык, понятный всем, язык содружества и процветания, язык формирования нового мировоззрения современного человечества.

Сколько людей из разных стран! Меня изумил профессор университета Киото Сангё Мицуси Китадзе. Он читал доклад. На русском языке. Да такой доклад, что я, коренная москвичка, далеко не всегда могла понять, о чем он говорит. И вовсе не из-за произношения. Я просто слов таких не знаю. В своем же родном языке! И на минуту мне от этой мысли даже стало некомфортно. Японцы знают и любят русский язык. Французы (они тоже были на форуме) знают и любят русский язык. А я, русская, такой важной вещи, как язык, и не знаю. И пусть они все профессора, но я же – русская...

Еще один факт, поразивший меня – здесь были представители всего бывшего СССР! Я, человек, родившийся в 1990-е, уже после исчезновения Советского Союза, никогда не видела столько национальностей – и вместе. Более того, столько национальностей, занимающихся одним общим делом!

И знаете, все те люди (по большей части это, конечно, молодежь), которые выступают яростно за чистую расу... все они вместе взятые, вряд ли так хорошо знают свой родной язык, как знают его хотя бы один участник этой конференции. Неуважение традиций? Так кто их не уважает больше: подонки, пинающие в подворотне строителя, но даже не знающие, как правильно склоняется его национальность, или земляк этого строителя, пишущий диссертацию на тему «Русское спряжение»? Этот вопрос для кого-то остается до сих пор открытым. Я же, после увиденного на этой конференции, все для себя решила.

Люди, собравшиеся 24–26 ноября в МГТУ им. Шолохова, обсуждали состояние преподавания русского языка, качество учебно-методических пособий, общались друг с другом, делились опытом, одним словом, работали. Какого же было удивление моих родных, когда, приехав домой, я стала рассказывать обо всем увиденном, с восторгом и восхищением. Они там, на Форуме, просто работали, а у меня поменялось мировоззрение.

После посещения международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира» я окончательно убедилась, что хочу учиться в МГТУ им. М.А. Шолохова.

***Шурочка Чан,**
абитуриентка*

Астахова Тамара Сергеевна – аспирант кафедры русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; младший научный сотрудник, научно-образовательный центр «Институт современных лингвистических исследований» МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: tamriko-ast@yandex.ru.

Бухалов Алексей Витальевич – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева; преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева. E-mail: bec-77@yandex.ru.

Васильев Александр Ибрагимович – кандидат филологических наук; доцент кафедры теории и истории русского языка, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. E-mail: alex.vas2010@mail.ru.

Вонителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет. E-mail: fakul-rf@mgou.ru.

Жукова Наталья Юрьевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры психолого-педагогического образования, Анапский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: suk_nat@mail.ru.

Ковригина Ирина Анатольевна – соискатель кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета; ассистент кафедры теории и практики английского языка, Московский государственный областной университет. E-mail: irusik_sm@mail.ru.

Лазарева Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: lazarevao@mail.ru.

Макарова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета; доцент

кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет. E-mail: makarovaun@mail.ru.

Маслова Светлана Александровна – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А. Шолохова; воспитатель, детский сад № 957 г. Москвы. E-mail: fotinija1976@mail.ru.

Плахова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур, Тольяттинский государственный университет. E-mail: office@tltsu.ru.

Романова Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры лексики и фонетики немецкого языка Московского педагогического государственного университета, доцент; доцент кафедры немецкого языка, Марийский государственный университет. E-mail: romasch@mail.ru.

Сарбаш Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет. E-mail: sarbash.lu@yandex.ru.

Фунтова Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, докторант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет. E-mail: office-in-pozharky2010@mail.ru.

T. Astakhova**The Peculiarities of Don Surnames
in the system of Russian anthroponymy**

The article presents the characteristic features of giving names within the Don linguistic area in the system of the Russian anthroponyms and the variability of the local anthroponymic structures. The author touches upon the issue of the ancestral names in Cossack surroundings, analyses the peculiarities of word-building patterns of Don surnames, their percentage ratio in comparison with showings in other areas and also groups of surnames according to their frequency. Some unique surnames, quantitative and qualitative structure of Don surname anthroponymy, types of Don surname stems, the role of nicknames in this area are described in detail.

Key words: Don linguistic area, anthroponymy, surname, nickname, ancestral name.

A. Boukhalov**Old words as a linguistic element
in the system of ethno-cultural approach of teaching Russian**

The article is devoted to the analysis of old words which are considered to be a linguistic element in the system of ethno-cultural approach of teaching Russian.

The present article names the main causes of archaization as well as it explains the contents of such notions as “old words”, “historisms”, “archaisms”. There is a classification of thematic groups of ‘old words’ which are accompanied with the examples taken from I.S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons”.

The materials presented in the article may be used at the lessons of Russian at school while studying the topic “Old Words”, as well as while commenting on the usage of old words observed in the texts of the Russian literature.

Key words: ethno-cultural approach, old words, historisms, archaisms, historical commentary.

I. Funtova

Sentence stress in the English and Russian languages

The article is devoted to the contrastive analysis of the accentual peculiarities of the English and Russian languages, mainly the influence of the word stress on the accentual structure of a sentence and the changes which the accentual structure of a word undergoes under the influence of tempo, rhythm and speech melody. We consider the accented and unaccented word categories in the English and Russian languages, and we also determine the functional significance of the sentence stress in an utterance formation and dwell on the problem of the different interpretation of the sentence stress in the compared languages.

Key words: sentence stress, notional word, enclitic, proclitic, stress shift.

I. KovriginaAmerican culture-specific vocabulary
of the second half of the nineteenth century
in the original and Russian translations of this vocabulary
(based on the novel "The financier" by Theodore Dreiser)

The article is dedicated to the culture-specific vocabulary of the second half of the nineteenth century, its expression in the original and translations of the novel "The Financier" by Theodore Dreiser. The aim of this analysis is to reveal culture-specific vocabulary typical for the cultural and financial system of that period. In the course of the work several semantic groups of words which describe culturally specific features of American development and have no direct equivalents in other languages were found. The article contains quotations from the novel in the source language, analysis of translations of different authors and linguistic-cultural information about culture-specific vocabulary which helps to judge about its meaning and the adequacy of translations.

Key words: culture-specific vocabulary, translation, transcription, transliteration, tracing, transformation.

O. LazarevaLexical knowledge in teaching Russian vocabulary
to foreign students: structure and form of representation

Lexical knowledge in teaching Russian vocabulary may be represented as a higher level of knowledge that demonstrates the relationship of lexical items with concepts, and can be viewed as a set of components: the relationship between elementary lexical knowledge, system lexical knowledge and

conceptual lexical knowledge that are represented in the word as the major structural and semantic unit of language.

Key words: lexical knowledge, elementary lexical knowledge, system lexical knowledge, conceptual lexical knowledge, teaching Russian vocabulary.

E. Makarova

Typology of sentence nucleus location errors
in non-native english speech

The article deals with the analysis of erratic sentence nucleus shifts in the English speech of the Russians. On the grounds of experimental research the typology of errors in nucleus location is described along with their classification. The data can be the basis for further research of the nucleus placement in non-native speech as well as for the improvement of English language teaching methodology for the Russians.

Key words: intonation nucleus, comparative analyses, event sentences, objects of general reference, intensifiers, erratic variant.

S. Maslova

The dialectics of traditional and innovational
in contemporary literary fairy tales for children
(Usachiov's fairy tale "Malusya and Rogoped" case study)

The article deals with the characteristics of modern literary fairy tales poetics by studying the case of Usachiov's fairy tale "Malusya and Rogoped". The structure of this fairy tale combines ironically reconsidered traditional folkloristic motives, reminiscences and allusions of a new fairytale reality forming approach, which is based on the interaction of the fearful and the humorous. All of that shows the contrast in the forming of modern literary fairy tale imaginative world. The article raises concerns about the specifics of opuses written for children.

Key words: literary fairy tale, subgenre, children fairy tale, flipped reality, wordplay, interaction of the fearful and the humorous, inconsistency, aesthetic reaction, comic, carnival.

O. Plakhova

Characteristics of lexeme-nominants of concepts of English
mythological conceptosphere (based on folktale discourse)

The paper describes characteristics of mytholexemes representing the concepts of English mythological conceptosphere. Mytholexemes are characterized by

several similar properties invariant to language and determined by ontological properties of constructs of mythological consciousness. Nominations of mythological personages in English are also characterized by pronounced value component in their structure and their use as means of denomination of other groups of supernatural beings.

Key words: mythological concept, cognitive attribute, mytholexeme, element of meaning, mythological conceptsphere, folk tale discourse.

M. Romanova

Transformation of dialogue in computer-mediated communicative environment

Appearance and spread of the IT-technologies has opened new opportunities of synchronous communication. This article considers the features of the computer-mediated dialogue in comparison with face-to-face-speech.

Key words: computer-mediated communication, chat, dialogue.

L. Sarbash

Intercultural dialogue
in the Family Chronicles of S.T. Aksakov

The article analyses intercultural dialogue in S.T. Aksakov works: the polyethnic Volga region, the different national – cultural worlds and ethno psychological types. The international dialogue in the limits of the art text appears in various aspects of display: the characters are representatives of the ethno confessional environment, the process of interethnic interference, consciousness archetypes, the national suit (Mordovian, Chuvash, Bashkir and Tatar) as the codifier of ethnic culture, the image of the Bashkir people.

Key words: intercultural dialogue, S.T. Aksakov, polyethnic Volga region, national world.

A. Vasilyev

Phraseological tautology in the old Russian language

The article is devoted to the description of different kinds of old Russian tautological phraseological units which were widely used in the old Russian language. Old Russian tautological phraseological units were formed as a result of realizing of different phraseological models.

Key words: old Russian language, phraseological unit, phraseological tautology, phraseological model

T. Voiteleva

Personally-oriented education
as a means of developing students' creative skills

The article is about main approaches in teaching the Russian language in contemporary comprehensive school.

Key words: teaching approach, personality-oriented teaching, language personality, communicative approach, competence approach, text-centered approach, competence.

N. Zhukova

Principles of modal component development
in speech of younger schoolchildren
in the study of word-formation

The article is devoted to the development of modal component of elementary school pupils' speech in the study of word-formation. The topic discussed in the article relates to the field of cognitive linguistics and linguistic methodology. The article reveals the basic principles of the methodology such as functional principle, extralinguistic principle, communicative principle, concentric principle, as well as the principles of text-centricity, culture influence and intersubject integration. There is also analysis of speech situations requiring the use of world-building modality means.

Key words: principles of modal component development in speech, word-formation means of modality.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна,
заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
Ю. Н. Толутанова
Корректор –
А. А. Козаренко
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2012.1

Электронная версия журнала: www.mgou.ru

Сдано в набор 01.03.2012 г.
Подписано в печать 19.03.2012 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 6,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.